

КАШИРСКАЯ СТАРИНА

ДРАМА ВЪ 5 Д. Д. АВЕРКІЕВА.

КРЕМЕНЧУГЪ

17 ФЕВРАЛЯ 1886 Г.

Дмитрий Васильевич Аверкиев

Каширская старина

Драма «Каширская старина» Д. В. Аверкиева, впервые была поставлена в Малом театре Москвы в 1871 году и имела успех наравне с «Ревизором» и «Горе от ума». В пьесе прекрасно показан старинный русский быт второй четверти XVII века, а стиль и лексика "Каширской старины" полностью погружают читателя в ушедшее время.

Содержание

#1	0005
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	0007
КАРТИНА ПЕРВАЯ0007
КАРТИНА ВТОРАЯ0031
КАРТИНА ТРЕТЬЯ0042
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ0053
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ0076
КАРТИНА ПЕРВАЯ0076
КАРТИНА ВТОРАЯ0101
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ0115
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ0152

Д. В. Аверкиев
Каширская старина
Драма в пяти действиях

Ищи коня за рекой, а дворянина на Кашире.

Пословица

Действующие лица

КОРКИН ПАРФЕН СЕМЕНЫЧ

богатый вотчинник.*

ВАСИЛИЙ

сын его, молодой царский сокольник.

БОРОДАВКА ИВАН СИЛЫЧ

помещик небогатый, Коркину ближний сосед.

САВУШКА

однодворец сын названного брата Ивана Сильча.*

АБРАМ

Савушкин

брат двоюродный.

ЖИВУЛЯ

подьячий.

ПЕТРУНЬКА

Пелепёлихин сынишка.

ДВОРЕЦКИЙ

Коркина.

СЛУГИ, ГОСТИ, МУЖИКИ, ПАРНИ

Коркина.

ДАРЬИЦА

Ивана Сильча жена.

МАРЬИЦА

дочка Иванова.

ГЛАША

сирота, с Марьицей выросла.

ПЕЛЕПЁЛИХА

у Коркина ключница.

ДУНЬКА

его же сенная.

ГОСТЬИ, ДЕВУШКИ, БАБЫ, СЕННЫЕ.

между третьим и четвертым действиями больше полугодя. Время - вторая четверть XVII века.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Иванов огород. Слева, на первом плане, изба видна, тесом крыта; пред сенями рундучок* невелик, без крыльца. Налево же, глубже, гряды, подсолнухи, мак, рожжи-мальвы; еще подалее ветла стоит. Направо, на втором плане, рябина старая; под ней скамейка. Весь огород позади обнесен плетнем, местами раздерганным; на плетне горшки, тряпки и пр.

Немного отступя, за плетнем, высится дубовый тын коркинских хором. В середине ледник с земляною кровлей; его чуть за тыном видно; по бокам на него всходят и смотрят в Иванов огород, как указано ниже, некоторые из действующих лиц. Направо, из-за рябины и правее ее, видна часть высоких коркинских хором. Середина задней декорации: даль, село, церковь и т. д. Село в полуверсте кажет.

ЯВЛЕНИЕ I

Глаша выходит из Ивановых сеней; за тыном, на леднике, показывается Дунька.

Глаша (*приставляя руку к глазам, как от солнца закрываются, смотрит вверх*). А солнышко-т на закат пошло. На игрище собирать-ся пора.

Дунька (*показываясь из-за тына*). Глаша, чтой-то засмотрелась? Ай на село собрались?

Глаша. Зевать нечего: округились* и пошли.

Дунька. Тебе раньше надо: без тебя не начнут.

Глаша. Где начать! Игры, песни кто ж заводит станет? Я везде первая поспела. Без меня вода не святится.

Дунька. А наша-то жизнь анафемская: погулять некогда. Вы, чай, и отобедали давно?

Глаша. Выспаться старики успели.

Дунька. То-то ж. Гостей много у вас было?

Глаша. Много: Савушка сам-один.

Дунька. То-то ж. А у нас!..

Глаша. Труба нетолченая?

Дунька. То-то ж.

Глаша. Аль еще кто есть?

Дунька. Труба трубой, а еще утроба нена-
сытная. Господи, который час за столом си-
дят!

Глаша. Аль не вставали?

Дунька. Где! Кушаньев сколько, во что
умещается! А медов, пива, таскали, таскали,
и-ах господи! Ноги все отбежали.

Глаша. А все сидят?

Дунька. Сидят. Старико-т наш разошелся:
"Две, говорит, у меня нынче радости. Первая
радость -- праздник господен, у людей разго-
вены, Петров день*, апостола; а вторая, гово-
рит, радость сын с Москвы на побывку прие-
хал". Сама рассуди: с двух радостей не пьян
из-за стола уж встанет ли?

Глаша. А молодое-т что же?

Дунька. Ты нешто не видала?

Глаша. Где видеть! Давно ль приехал?

Дунька. Недавно, точно, недавно; три
дни всего.

Глаша. Вечор на него было взглянуть
вздумала. На коне, сказали, едет. Не успела на
крыльцо выскочить, ан за ним курево только

В поле стоит.

Дунька. То-то ж. Видишь каков! А уж молодец собой -- ни пером описать.

Глаша. Московской!

Дунька. Не здешний, знамо. Здешние что -- вот хоть бы Савушку вашего взять, али Абрама, как есть деревенщина. Все-то у него иное: на коне посадка, с людьми повадка, ну и разговор, опять особый.

Глаша. Повидать бы. На игрище, чай, выйдет?

Дунька. Уж не знаю; не умею сказать. С чего бы не пойти? Все хоть наших девок посмотрит -- хоть Марьицу вашу. На Москве, чай, таких не много. *(За сценой, вдали, слышен Пелепёлихин голос: "Дунька!")* Ой! Ай панья зовет?

Глаша. Какая еще панья?

Дунька. Да наша, Пелепёлиха-то. Паньей ведь ее прозвали! Намедни до чего напилась: я-де с Литвы, отец мой у короля в чашниках служил. Мы ее паньей и прозвали. Что смеху-то было!

Глаша. Вот черт-то! *(Обе смеются.)*

Дунька. Прощай, иначе; на игрище, мо-

жет, и свидимся. Авось урвуся.

Глаша. И ты прощай. Я звать на село пойду. Пора ведь. *(Идет в избу.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Дунька обернулась, хотела вниз сбежать, как к ней навстречу Пелепёлиха из-за тьма видна стала. Одета пестро; нарумянена.

Пелепёлиха. У, черт, чуть не сорвалась было! Ты тут с кем, бестия, зубы скалила, лясы точила?

Дунька. Глашка в сад выбегала.

Пелепёлиха. В сад? Тоже сад называется! И лесу всего: ветла да рябина. Последнюю срубить надоть, на наш двор не тянулась бы... А Дарьца, сама-т, не выходила?

Дунька. Спала, вишь; теперь наряжается. На игрище тоже идут.

Пелепёлиха. Наряжаются тоже, голь перекатная! Одна телогрея, зиму-лето носит, тафта-де рудо-желта! Фря! Эх, ждатель-то не время, уж я ее вышутила бы. Пойдем-ка. Нашо-т пил, пил, анисовой водки запросил. *(Обе уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Сцена малое время пуста. Из избы выходят: Марьица, за нею следом Савушка.

Савушка. Ты, Марьица, не сердись на меня. Я, право...

Марьица. Чудной ты! С чего ж мне на тебя сердиться? Не королевна какая, не за замками живу, на людях. За себя свататься кому запретить разве можно? И опять: не моя вина, -- матушке не угоден.

Савушка. Матушка что! Был бы тебе люб, на матушку не поглядела бы: батюшку уговорила, матушку переломила.

Марьица. Против матушки не идти же? Кабы еще своим домом жить стали, иное дело. Матушка посердилась бы и смилостивилась. А то отец зятя в дом взять хочет. Сам посуди, какое тебе житье будет: чуть что, и попрёки.

Савушка. Дом что -- наживное дело. Только захоти -- новый поставлю. Знамо, батюшке тебя отпускать неохота, и по мне вместе ладнее. Да что! Не люб я тебе и не люб.

Марьица. За что ж мне, Савушка, не любить тебя?

Савушка. Не любить не за что, и любить тоже не за что. Сам знаю: не по девке парень.

Марьица. Полно тебе!

Савушка. Полно и есть. Эх, думалось-гадалось: отцы-де братья названные были, с тобой опять, как брат с сестрой, выросли. Вот она, под рябиной скамеечка, мной же слажена. Отец-то, бывало, тут сидит, а мы с тобой под ветлой играемся, на огороде ли в грядках копаемся. В раю жилось. Знамо, малолетки были. Ну да прощай. Пойду.

Марьица. Прощай, Савушка. Ты не кручинься.

Савушка. Где уж!

Марьица. Не говорю: совсем не кручинься. Не покручиниться нельзя; ты и покручинься, да не очень. Не на век ведь уходишь, опять завернешь. Почем знать: матушка, может, смилостивится, и ты-то мне полюбишься. Понял: по-твоему полюбишься. А по-моему, и теперь тебя люблю, за что не любить?

Савушка. Уж не сомущай меня лучше! (Помолчав.) Еще сказать хотел: беда ль какая,

храни господь, случится, аль нужда тебе, али батюшке будет,— ты Абраму весть дай, он мне перешлет. Для того "Абраму" говорю,— меня прямо просить, еще, поди, посовестишься. Гляди же, в те поры ты мной, Марьица, не побрезгуй. Усердно прошу. Затем, прощай. (*Кланяется и идет.*)

Марьица. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ IV

Савушка, Марьица; из избы выходят: Иван и Дарьица.

Иван. Ты, Савушка, что ж пошел? Аль совсем уж?

Савушка. Совсем.

Иван. И на село не пойдешь?

Савушка. Нету. С тобой, батюшка, да с матушкой проститься, и пойду.

Иван. Слышишь, старуха, батюшкой с матушкой нас зовет, а какие мы ему отец с матерью?

Дарьица. Сызмальства тут; привык. (*Отвернулась.*)

Иван (*подмигнув на старуху*). Выразуме-

ла старая, что сказать хотел... Ты, Савва, слышь, не горюй. Пожди осени-то: Покров придет, девок венцом покрывать станет*, а и молодцы, князья молодые*, не без венцов же вокруг налои ходят.

Дарьца. Пошел прибирать!

Иван (*целуется с Савушкой*). Ладно, прощай! (*Опять на старуху подмигнул.*) А слово-то все сказано; этак-то вернее.

Савушка. Прощай, матушка.

Дарьца (*обнимает его*). Прощай, голубчик. Помогай тебе господь. (*Савушка идет.*)

Иван (*ему вслед*). А с Марьицей что же?

Савушка. Прощались уж! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, кроме Савушки; потом из-за тына показывается Пелепёлиха и разговор мужа с женой слушает. В конце явления Петрунька с топором.

Иван. Что ж, на праздник пора. Мне в гостях сидеть, брагу пить, девкам -- в хороводе играть норовится.

Дарьца. Тебе только бы, прости господи,

в гостях где сидеть! Успеешь еще. Потолковать с тобой надо.

Иван (с добродушною улыбкой). Пилить меня будешь, поедом есть? Ладно. Я тут на скамеечке посижу, послушаю. (Сел. Дочке.) Ты, Марьица, куда же?

Марьица. По огороду поброжу; далече, батюшка, не уйду. (Идет налево, за ветлу, заходит за кулисы, порой опять возвращается).

Иван. Что ж, бери пилу-то!* Брани старика.

Дарьица (подле него садится). Слова подбирать нечего. Я сказала, и еще повторю: не жених он и не жених; не хочу я его в зятя.

Иван. Чем не жених? Еще какой работник! Нам за ним, старикам, покойно жить будет.

Дарьица. Работник, работник! Что у тебя дочь девка мужицкая что ли? Сам-то ты кто, скажи. А?

Иван. Не велик боярин -- нет. Вотчины у нас где? В нетовом царстве. И помещного у нас много ли? Чем государь великий -- дай ему, господи, здоровья -- пожаловал, тем и сыты.

Дарьца. Все ж за службу свою от государя пожалованы. А он кто?

Иван. Он-то? Однодворец ведь.

Дарьца. Велика птица: однодворец!

Иван. А мы с тобой летать станем,-- выше курицы взлетим ли?

Дарьца. Пошел прибирать!

Иван *(с жаром)*. Да, пошел. Еще приберу. Однодворец что -- велик человек. Им за что земля дадена, а? Не знаешь? Еще когда от татар неверных матушку нашу Русь крещеную боронили: на то им на Кашире земля дадена, чтобы погань всякую от святой земли отгоняли. Да. *(В жару разговора костылем стучит.)*

Дарьца. Ты что костылем стучишь? Не застращаешь. Ты лучше про Савушку скажи: он чем хорош?

Иван. Работник...

Дарьца. Слышала уж. Еще чем же?

Иван. А еще: сызмала его знаю, парень добр. Мы, слышь, с отцом его братья названные...

Дарьца. Разве я у тебя про отца спрашиваю? Ты вот что ответь: к чему ты о Покрове толковал? Какой еще ему Покров будет?

Иван (с улыбкой). Покров что -- далече Покрово-т. А мысль такая была: жена-де, праздника ради, бражки малость хлебнет, добрей станет. Тут мы к ней приступим. Авось смилостивится.

Дарьица. И не думай того! На чем стала, век стоять буду. А он не жених ей, не жених. Тебе дочку пропить бы только. Спишь, во сне то же видишь.

Иван (смеется). А мы, слышь, дочку с ним у тебя увозом. Сговоримся и увезем. Право.

Дарьица (затыкает уши). Не отдам, не отдам! Не жених он!

Иван. Аль у тебя другой какой на примете есть?

Дарьица (на минуту уши открыла, прислушалась и опять заткнула). Другого нету. А с места не сойду; вовек не отдам. Не жених он. В зятя его не хочу.

Пелепёлиха (из-за тына). Ой-ой-ой! Ох, ох, ох! Кто бежит? с чего пыль стоит?

Иван и Дарьица (оба от крику вскочили). Что там еще?

Пелепёлиха (тянется, точно вдаль, за

Иванову избу смотрит). Куда это едут, куда спешат? К Иванову двору повернули.

Дарьца. Кого там бог дает? *(Поспешно идет к избе, Иван за ней, не спеша.)*

Пелепёлиха. Сам царь ли с ордой? Аль король то с Литвой? Со царем сорок царевичей, с королем сорок королевичей. Все-то за дочку твою, Несмеяну царевну, сватовщики! Ха, ха, ха!

Дарьца *(остановилась и плюнула).* Ах ты, проклятая! *(Иван подходит; оба, до конца явления, остаются на левой стороне сцены, ближе к авансцене.)*

Пелепёлиха *(продолжает).* А матушка Дарья Карповна снаряжалася: в телогрею, рудо-желта тафта, одевалася.-- Уж простите-девы, гости дорогие, иного платишка нету. Ха, ха, ха!

Дарьца *(мужу).* Ты что ж стоишь? Жену бранят, не заступишься? Пугни ее.

Иван. Чем пугать-то? Правду ведь говорит: другой телогреи нету. Ты о телогреях не спорь с ней: переспорит.

Пелепёлиха. Ты поспорь,-- я послушаю. Много ль еще нарядов насчитаешь?

Иван (*жене; с виду так же спокоен, но голос дрогнул*). Не спорь, говорю. Ты лучше спроси: стыда и совести у нее хоть на алтын наберется ли? Да. А о телогреях не спорь, всегда переспорит. Да.

Пелепёлиха. Ах ты, базага* старая! Волчья ты снесь! Костыль в руке,— туда же в разговор пустился. Мало, знать, Парфен Семеныч разорял тебя. Богат еще: целая рябина осталась! Винца купит, рябинкой настоит,— выпьет, тепло старику. А я возьму, вконец старика разорю, рябину срублю. Выпить старичку захочется, ан выпить-то нечего. (*Всполошившись.*) Эй, Фомка, Сенька, Петрунька! Кто тут? Кто там? (*Смотрит во двор.*) Топор бери, сюда беги! В калитку скорей, через плетень скачи; рябину руби.

Справа, в проулок между тыном и плетнем, выбегает Петрунька, топор в руках; прыгает через плетень, подбегает к рябине; положил топор, в руки поплевал, опять топор взял, и готовится рубить. Марьица тем временем выбегает слева и бежит к отцу.

Марьица. Батюшка, родненький, что тут? *(Прижимается к нему.)*

Иван *(гладит ее по голове).* Ничего, Марьица, ничего, полно.

Дарьица *(толкая мужа).* Срубит ведь! Что ж стоишь? Костылем его!

Иван. Я с костылем, он с топором. Топоро-т крепче,— сунуть, ан костыль мой перерублен лежит. С чем тогда на село, к куму в гости, побреду?

Дарьица. Ой, срубит!

Иван. А я с ним построже поговорю. *(Стучит костыльком.)* Слышь, Петрунька, не смей! Я к боярину твоему пойду; к старому не пустят, молодому челом добью. Дерево срубишь, батогов на спину добудешь. *(Петрунька в недоумении то подымает, то опустит топор; так до конца явления.)*

Пелепёлиха. Что стал? Руби, говорю.

Иван. Не смей!.. Вот оно, жена, старым без зятя какво жить!

Марьица. Господи, да долго ль они насильничать будут?

Пелепёлиха. Руби, руби, говорят. *(Несколько раз то же кричит.)*

Иван (в промежутке между ее криком приговаривает). Не смей! – Ох, Петрунька, не смей!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Глаша; опрометью вбегает из сеней.

Глаша (вбегая). Молодое-т, сам Василий Парфеныч, пожаловал. Уж я с перепуга сюда его позвала.

Иван. Слышь, жена: голенький "ох", а за голеньким бог.

Из сеней выходит Василий; Пелепёлиха его увидала, крикнула: "Ох беда!" и мигом как сквозь землю провалилась. Петрунька до поры под рябиной стоит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Иван, Дарьица, Марьица, Глаша, Василий и Петрунька.

Василий (останавливается и кланяется). Господину Иван Сильчу много лет здравствовать. Каков, господин, в своем здоровье?

Иван. Постой-погоди. Прежде чем на здоровье отвечу,— озорников своих уйми. (*Оглядывается на тын.*) Где ж она? аль "давай бог ноги"? (*Василью.*) Мужика вот прогони; чужих рябин не рубил бы, прикажи.

Василий (*мужику, строго, но сдержанно*). Ты с чего на чужом огороде озорничать задумал?

Петрунька. Нешто я стал бы? Известно, она все, панья...

Василий (*нахмурясь*). Какая панья?

Петрунька. А ваша все ж, ключница господарская.

Василий. Не ее тебе, господ слушать надо. Пошел!

Петрунька. Я что ж... (*Чешет затылок, Василий на него взглядывает; он мигом, бочком, убирается.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Иван, Василий, Дарьица, Марьица, Глаша.

Иван. Теперь, Василий Парфеныч, здравствуй. (*Подает ему руку.*) Садись: гость будешь.

Оба садятся под рябиной; женщины остаются на левой стороне сцены; Дарьица на втором плане, ближе к авансцене; девушки почти на авансцене, ближе к кулисам. Во время следующего разговора Глаша по временам наклоняется к Марьице, что-то ей на ухо шепчет и глазами указывает на Василия.

Иван. Что, Василий-господин Парфеныч прикажешь?

Василий (встает, кланяется, говорит стоя). Родитель мой, Парфен Семеныч, приказал тебя, господин, весьма к себе в гости звать, Сказывать велел: пусть-де вражду нашу нонешнюю забудет, старую дружбу вспомянет, сердце на любовь переложит. Еще велел сказывать: сын-де ко мне с Москвы приехал, царскою милостию взыскан, и в том-де великая мне радость. А не придет сосед, гнева своего не отложит, и та-де радость не в радость мне будет. И еще прибавить изволил: дважды-де ныне его к себе звать посылавал, да позыватые мои его чести, знать, угодить не могли, авось для ради сына моего смилости-

вится. *(Кланяется и садится.)*

Иван. Постой, Василий Парфеныч: наперво, слышь, от вас ко мне никого, и зова никакого я не слышал же.-- Аль ты, жена?

Дарьица. Никого не видала. Разве как отдыхали мы. Глаша, ты не видала ли?

Глаша. Никто не бывал. Не Пелепёлихе ли приказо-т даден был? Коли ей, скрыла, с нее станется. Ты батюшке казала бы: пусть Василий Парфеныча о том поспрашает.

Василий *(с желаньем предупредить вопрос).* Не взыщи, господин Иван Силыч, не всяк господарский приказ, сам ведаешь, исполнен бывает. Со слуг взыщется. *(Опять встал.)* А коль слово мое перед тобой, господин, хоть малость значит: нашею с батюшкой хлеб-солью, будь добр, не побрезгай. *(Покло- нился и сел.)*

Иван. На слове спасибо. Только с отцом мне с твоим, слышь, как мириться?.. Что он со мной делал, ты знаешь ли? Просто сказать: в разор разорял. Вот плетень взять, пустое ведь дело, а ты на него погляди: цел ли стоит. А виной кто? Мужик ваш последний с возом едет, о плетень задеть норовит: боярин-де не взы-

щет, похвалит еще. Подтопок ли бабе дворовой надо, сынишке кричит: "Беги-де на соседский огород, разорь плетень, боярин приказал". Плетень что! Всех обид высчитывать, слушать устанешь: там луга часть запахали, здесь рощу дубовую, женино приданое, всю, слышь, до пня, повырубили. Опять... сам сейчас, чай, видел, каково ваши-те озорничают. Теперь рассуди: каково легко мне с родителем твоим мириться? Рассуди, да.

Василий. Отца мне судить, господин, не приходится, а судить начну, ты же не похвалишь. Ты слово молвить прикажи.

Иван. Говори, Василий Парфеныч! Говори. *(В сторону.)* И умен же парень.

Василий. Одно только скажу. Не все по господарскому указу делается, не все господарь и ведает. А тут: против тебя сплутуют, да батюшке на тебя ж наговорят. "То-то-де про тебя, государь, сказывал; тем-то-де похваляется". Батюшка -- человек ведь -- на тебя пуще разгневается, думает, правду доложили. А наушники-те рады: пуще на гнев его разжигают. Кабы вы сошлись когда, друг другу обиды выговорили, может, господин, поспорили бы,

да потом рассудили: чего-де нам ссориться, только воров кормить, давай лучше ладком жить станем. *(Встал.)* Теперь, господин, советишка моего коли послушаешь, божескую милость сделаешь, к батюшке гостем званым со мной пойдешь,— старого, гляди, как не бывало, в мире, ладненько заживете. *(Кланяется.)* Усердно тебя, господин, прошу. *(Садится.)*

Иван *(точно сам в своих словах сомневается)*. А ведь уговорил меня! И впрямь уговорил! Жена, аль пойти?.. *(Точно опомнившись.)* Что, стар, задумал: в таком деле у бабы совета спрашивать! *(Василью.)* Ну, Василий Парфеныч, руку давай, по рукам ударим *(Оба встают и бьют по рукам.)* Для тебя, молодец, делаю, полюбился ты мне. Так ты и знай. *(Жене.)* Жена, что ж ты на месте стоишь, дела своего бабьего не знаешь: угостить, чем бог послал, гостя дорогого надо.

Дарьица. Сейчас, батюшка. *(Спешит к дому и уходит.)*

Василий. Не лишнее ли, господин...

Иван. А ты со мной не спорь. *(Идет к дому; Василий за ним, немного позади.)* Я ведь куда норовист. Упряма, слышь, старик; меня

уговорить -- ох, трудно! Норов у меня велик. (Ты думаешь, сегодня скоро меня уговорил, и всегда я таков же. Не-ет. В другой раз часа три поклоняться- заставлю. Да. (Они подошли к сеньям.) Ну, милости просим.

Василий. Хозяину вперед бы.

Иван. А ты не спорь. Гостю честь -- святобычай. Милости прошу. (Василий входит; Иван за ним.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Марьица и Глаша, обе переходят на середину сцены.

Глаша. Каков, а? Нет, скажи: ведь молодец, а? И речь, и все. Ведь молодец -- говори же.

Марьица. Парень -- ничего.

Глаша. Ничего? Нет, молодец. Говори: молодец. Не похвалить нельзя. И умен. Что ж не хвалишь?

Марьица (смеясь). Ты уж всего его расхвалила; мне за что хвалить не оставила.

Глаша. А хвалить не хочешь,-- говори: не хорош. Говори же. (Схватывает ее и кружит-

ся, *припевая.*) Дурен, дурен мой кисель! Дурен, дурен, не хорош!

Марьица. Ох, Глашка, полно! Оглашенная, право.

Глаша (*бросая ее*). А мне весело. Я всегда, как этакого молодца увижу,-- беситься мне хочется.

Марьица. Уж не приглянулся ли тебе?

Глаша. Мне такой не приглянется! С чего приглянуться? Не жених мне, и не приглянется. А знаешь кому он жених, сказать?

Марьица. Ты почему знаешь?

Глаша. Я знаю. Тебе он жених, вот кому.

Марьица. Чего еще не выдумаешь?

Глаша. Стой, молчи. Не перебивай ты меня! Все расскажу, как по пальцам разочту. Старики теперь помирятся, ровно ведь меж ними ссоры не было. Да не мешай же мне! А помирятся, Парфен Семеныч что взял отдавать не захочет,-- что тут делать? "Пусть-де за дочкой будто в приданое пошло, скажет, а ты ее за Василья выдай и вместе жить станем". Верно так будет.-- Ты молчи только. И вот поедешь ты на Москву, а я за вами увяжусь.

Марьица. Не далече ль, Глаша, заехала?

Глаша. Ты молчи. Ты думаешь: о тебе я хлопочу? О себе думаю. Тут жить, какая мне корысть? Замуж кто возьмет? Разве подьячий какой вдовый сильно разворуется, денег много награбит, да хмелем крепко зашибаться станет,— тот меня за себя возьмет. "Бойка-де девка, бить меня станет, чтоб не пил, учить, ан добро-то в сундуках целей лежит". А на Москве-то!..

Дарьица *(выглядывая из сеней)*. Девки, идите! Госте-т ушел, на село пора. Отецо-т за нами ужотко придет. *(Скрывается.)*

Глаша. Сейчас!.. А на игрище я его в хоро-вод уж заманю, пусть нашу Маню поглядит.

Марьица. Да полно ж тебе, полно! *(Обе, повторяя последние речи, бегут в дом, обнявшись.)*

КАРТИНА ВТОРАЯ

Коркинская повалуша*, высокая. Потолка не видно. Рухлядь на веревках всякая повешена. Стол. Лавки. Стены брусяные. Одни двери сбоку.

ЯВЛЕНИЕ X

Входят: Парфен (на нем, поверх рубахи, кафтанец суконный короткий); следом, Живуля, Абрам, и еще человек пять-шесть гостей. Слуги.

Парфен (в дверях). Эй, вы! Кто на ногах еще стоит, иди сюда. Тута пить станем, тут прохладней.

Входят гости, слуги вносят питья. Парфен за стол садится; подле него кто постарше; Абрам на боковой у стола лавке: Живуля присаживается у дверей.

Парфен (наливая и потчuya). Не много целых-те осталось: скольких хмель уложил. А сколько вас ни есть -- всех уложу, всех я вас

перепью. *(Соседу.)* Начинай!

Абрам. Как еще уложишь, Парфен Семенич, поглядим.

Парфен. Уж ты мне, Абрамка! Нет чтоб смолчать. *(Живуле.)* Ты, чертов кум, что даве рассказывать начал? Перебил я тебя.

Живуля *(встал и подошел).* А про чудо, государь. На Иванов день на самый, чудо какое в Лежайке было. Как только с образами по полям пошли, сейчас и дождь.

Парфен. Чего не знаешь, дурак, не ври. Разве лежайские умолили-те? Давно тому дождю идти бы, кабы они тучу не задерживали.

Абрам. Как так задерживали?

Парфен. А так же. Я к ним дуракам раз с пять посылавал: мы-де давно отмолебствовали, вы чего ж, дураки, молебна не поете? А они: собираемся-де. И собирались же. Мы еще когда, до Иванова дни недели за две, на Елисея на пророка* молебствовали. Вот еще когда дождю идти бы. И выходит, они тучу задерживали.

Живуля. Чего, государь, не знаю, о том молчу. А уж это своими глазами видел...

Парфен. Мне кому ж верить: глазам ли

твоим, аль уму своему прикажешь? И глаза-те у тебя обманные.

Живуля. Где ж у меня глаза обманные?

Парфен. А во лбу -- вот где! Аль не обман-ные, скажешь? Да ты какого роду -- ответь: подьячего ведь?

Живуля. Нечего греха, государь, таить: подьячего.

Парфен. Как же глаза у тебя не обман-ные? Вы на что, подьячие, созданы? На обман. И глаза, и язык, и все у вас обманное.

Живуля. Порочишь, государь...

Парфен. Ты теперь сюда зачем пришел? С праздником меня поздравить? Аль я тебя в гости звал? Нету. Для обмана же пришел. Ты стоишь теперь и думаешь: с кем бы еще мне Парфена Семеныча поссорить? Потому -- ко-рысть тебе. Станешь таскать от меня мучи-цы-крупичицы, овсеца ли. И алтын перепадет.

Живуля. Эх, Парфен Семеныч, государь мой милостивый! Эдак ты подьячих честишь, а напрасно бы, государь, право напрасно. Свет без подьячих когда стоять будет ли? Николи. Нужен он человек, подьячий-то, и всегда та-ков будет.

Парфен. На что нужен? На обман же.

Живуля. А тем нужен -- без него обойтись невозможно. Люди-те,-- ответь, государь,-- людьми ж будут?

Парфен. А то чем же? Не все к черту в кузовья пойдут, как ты же.

Живуля *(с жаром)*. Нет, государь, ты выговоришь, мне дай. Вот что скажу: Гог и Магог придут*, и в те поры без подьячих не обойдется. Только, может, под конец мира нам почет иной будет.

Парфен. Тебе честь делают, с тобой разговор ведут,-- ты с чего же отвечать вздумал? Твое дело -- молчок. Разве спросят, тогда ответь. Кто тут всех выше? Я всех выше. Значит, я разговор вести стану, а вы все молчи.

Живуля *(себе под нос)*. Воткни метлу средь пустого поля, и метла велика стоит.

Парфен. Ты что сквозь зубы цедишь?

Живуля. Раздумался, государь: что сынок твой позамешкался? Бородавку что не ведет? А и трудно ее, бородавку-т, с места сдвинуть: где сядет, ничем не сведешь.

Парфен. Ты про кого толкуешь?

Живуля. А про Василия Парфеныча, про

твоего, государь, про сына.

Парфен. Какого еще сына нашел? Я, родитель, сыном его величаю, ты как же сыном назвать посмел?

Живуля. Прости, государь, обмолвился.

Парфен. Ты еще сынишкой его назвал бы.

Живуля. В чем виноват, государь, каюсь.

Парфен. Ты о том, чертов кум, кто мой сын, подумал ли? Царский сокольник ведь. Ему на побывку ко мне ехать, царь его конем жаловал. Слышь ты, конем. Да и все-то вы, сколько вас тут ни есть, Васильева мизинного перста не стоите. *(Грозясь.)* Вот подождите у меня: придет он, всех вас челом ему бить заставлю.

Абрам. Всех-то не много ли будет? Не обочтись, Парфен Семеныч.

Парфен. Уж ты мне, Абрамка! Опять заговорил. Гляди: первый у него в ногах ползать будешь.

Абрам. Ох, не обочтись, говорю.

Парфен. Ему не хочешь,-- коню кланяться заставлю. Велю сюда Васильева коня привести, а ты ему в ноги.

Абрам. Себе еще кланяться не заставишь ли?

Парфен. Ты споришь еще? Люди, эй!

Абрам (*встал с места, стал насупротив Парфена и сильно кулаком по столу стукнул*). Эй, Парфен Семеныч, не дури! Ты меня знаешь: ни пред кем еще я по таким делам без сдачи не оставался.

Парфен (*точно опьянел, падает головой на стол и пьяным голосом*). Ох, разбойник, разбойник! (*Абрам отходит от стола; Живуля к нему сзади подбегает.*)

Живуля. Всегда вот этак же. Надо мной уродует, а увидит: не под силу ему человек, будто пьяный делается. Эх ты, притвореник старый! (*Украдкой грозит Парфену; Абрам отворачивается от него; за сценой шаги; подъячий испуганно.*) Ай, не Бородавку ль ведет?

Абрам. А тебе не по вкусу?

Живуля. Я ж тебя хвалил, а ты!.. (*Прислушивается.*) Ай, ведут!

Абрам. Иван Силыч не шел долго,-- уж не твои ль тут зацепки были?

Живуля (*с неудовольствием отходя от него*). Чтой-то ты уж больно догадлив!

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же; Василий, Иван; в конце, на минуту, Пелепёлиха.

Василий (*в дверях пропускает Ивана вперед себя, и затем спешит к отцу; наклонившись над отцом*). Батюшка, Иван Силыч пожаловать изволил.

Парфен (*подымая голову*). Ай да Василий, на все молодец! (*Спешно встает из-за стола, гостю навстречу.*) Милости, Иван Силыч, прошу. Пожаловал,— спасибо тебе великое.

Иван. Не велика, слышь, милость. А паренек твой ладен -- в нем сила: уговорил ведь.

Парфен. А все ж спасибо, и меня во всем прошлом прости. (*Низко кланяется, дотрагиваясь пальцем до земли.*) Теперь, как след, похристиански, три раза поцелуемся.

Иван. И меня, в чем грешен, прости. (*Кланяется; потом трижды целуются.*)

Живуля (*во время целованья, про себя, со вздохом*). Охо-хо-хо! На мир пошло. Глядеть-то тошнёхонько.

Парфен (*немного отступя, смотрит на Ивана*). Давно, Иван, с тобой не виделись.

Иван. Годы с три, Парфен, будет.

Парфен. И постарел же ты, Иван.

Иван. И ты, Парфен, не помолодел же.

Парфен. То-то! А из-за чего дело все вышло!..

Иван. Из-за кобылы сивой. Кобылы моей, слышь, тебе захотелось.

Парфен. Дело-т теперь прошлое, признайся, Иван, ты всему виной: горд очень, уважить меня не захотел.

Иван. Я виноват, я. Тем виноват, пословицы старой не помнил. Давно сказано: не сели села близ князя села. А еще и так молвить можно: не ставь двора близ двора насильникова. Не он, приспешники разорят. Запомнювал. И в том, Парфен, вина моя; виноват я.

Парфен. Ишь, гордость, Иван, в тебе какая! Я к тебе с поклоном, а ты меня ж насильником назвал.

Живуля (*про себя, руки потирает*). Старый сор перетряхивать стали,— нам чего не перепадет ли? (*Оживляется.*)

Василий (*Ивану*). Позволь, Иван Силыч,

слово тебе молвить: старое вспоминать по-
словица, господин, не велит. Ты и батюшке о
том доложил бы.

Иван. А уговорил ведь; опять уговорил.
Каков у тебя, Парфен, паренеко-т разумен, а?

Парфен. Василья, Иван, хвалишь, слу-
шай же: он мне дорог, и тебе ладен же. Давай,
Иван, на сыне помиримся; поцелуемся опять.

Иван. И то. Худой мир лучше доброй бра-
ни.

Парфен. Только стой: с чего ты до третье-
го зова не шел? Я ль тебе не угоден был, аль
слуги мои тебя разобидели чем?

Иван. Чем разобидеть,-- нечем было. Пер-
вого зова не было, и второго не слышал. Тре-
тий Василий сам Парфеныч пришел. Его спро-
си.

Парфен. Э! *(Быстро идет к дверям, отво-
рывает их: Пелепёлиха за дверью присела, под-
слушивает; Парфен схватывает ее за руку и
тащит; она почти ползком за ним.)* Да ты
еще подслушивать! Чья, bestия, вина, говори?

Пелепёлиха *(с воем).* Он, он же, Живуля,
подучил. Не зови-де: хмелен старик, запамя-
тует... А я... *(Припадает к Парфеновой ноге.)*

Иван. А рябину кто подучал рубить -- спроси.

Пелепёлиха. Сама, ох, сама!

Парфен (*прикрикнул на нее*). Не выть! И чтобы звания твоего тут не было! Духом твоим чтобы не пахло! Вон! (*Пелепёлиха живо спохватилась и почти ползком в двери юркнула. Парфен оборачивается к Живуле.*) Ты, сюда!

Живуля (*бежит к нему, шагах в двух от него на колени бухается, и полушутовски, полупросительно*). Виноват, и как же виноват еще: места праведного во мне на эстолько вот нету. А казнить не вели. Убьешь меня,-- велика ль корысть тебе будет. А я тебе, как щука в сказке, испровещу голосом человеческим: не в которое время пригожусь, государь, тебе.

Парфен. Вон, пес! (*Живуля быстро вскакивает и согнувшись убегает, точно выпрямиться не успел. Парфен ему вслед.*) И людишки же! (*Ивану.*) Поцелуемся теперь. (*Целуются.*) В комнату в мою, в собиную, друже, пойдем. А здесь нам с тобой сидеть не гоже: людишки не под стать; мелкота-народ. (*Уводит Ивана.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Василий, Абрам, гости.

Абрам. Мы что ж делать учнем?

Василий. Что тебе, Абрам, любо.

Абрам. А мне любо на игрище идти. Пойдем-ка, Василий Парфеныч! У нас весело ведь живут. Девок по теремам не прячут, все на игрище ходят. Красавиц наших погляди.

Василий. Рад, Абрам, идти.

Абрам. Тебе и внове: поглядишь. У вас на Москве-т обычай туг: девок, которые побогаче, под замком держат. А у нас обычай вольный; и богатых, правда, у нас мало. Девкам у нас воля: с парнем при народе ли, с глазу на глаз ли, говори-любися сколько хошь, не осудят: себя только блюди. Одно слово: вольная сторонка. Идем, что ль?

Василий. Идем. *(Оба уходят; за ними следом и гости.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Настоящая перемена непременно должна быть живая. Стол выносят и убирают во время разговора Абрама с Васильем. Как только они и гости выйдут, задняя стена подымается. Открывается поле близ села. Задняя декорация может остаться та же, что и в первой картине. Только теперь освещение не столь яркое. С боков деревья, кусты, пожалуй, изба другая. Действующие лица, по возможности, выходят в разные кулисы.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Глаша, впереди, Марьица и девушки гурьбой выбегают; следом парни выходят; потом Жууля.

Глаша (за сценой, голосисто). Сюда, за мной! Шибче бегите. (Вбегают.)

Марьица. И впрямь, умно Глаша придумала: тут-то и ровней, и просторней.

Девушки. Правда, правда. Умница Глаша.

Глаша. Уж худо придумаю ли?

Марьица. Что ж, Глаша, "утушку" мы там

проплавали, тут бы "царевну" завести.

Глаша. Ишь, разыгралась как! Сейчас тебе и "царевну"! Отдохнуть дай.

Марьица. Девушки, просите.

Девушки (*обступили Глашу*). Глашенька, голубка! "Царевну"! Глаша! (*В это время Живуля, девушками не замечен, подходит.*)

Глаша. Ладно уж. Кому ж царевной быть?

Девушки. Кому укажешь.

Глаша. Марьице царевной быть,— вот кому. Только царевичем у нас кто будет?

Живуля. А меня возьмите: чем не царевич?

Глаша. Ох, спужал даже! Откуда выскочил?

Живуля. Что ж возьмете? Я гостинец принес: орехов да жамок.

Глаша. Ишь ты, вдов-селезень, за утушками туда же увивается. Давай гостинцы. (*Берет у него.*) Девушки, берите. (*Делят гостинцы.*)

Живуля. А мне за гостинцы величанья не будет?

Глаша. А прочь поди,— вот тебе и велича-

нѣе.

Живуля (*отойдя немного*). Глафира Юрьевна, а Глафира Юрьевна!

Глаша (*повернула голову*). Чего еще?

Живуля (*манит ее*). А поманись сюда маленьчко.

Глаша (*подходя*). Ну?

Живуля. Ужотко, уллучи часок,— я тебя здесь погожу.

Марьица. Девушки, гляньте-ка, парни какие идут.

Глаша (*подбегая к девушкам*). Где, где?

Марьица. А вот недалече, Абрам, да еще...

Глаша. Марьица, и Василий Парфеныч ведь вышел. Говорила. (*Живуля, услыхав это, быстро скрывается.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же, без Живули; Абрам, Василий, с ними еще человек пять.

Абрам. Вот и мы поспели. Глядите-кось, какого молодца к вам привел.

Глаша. Уж получше тебя. Что ж, Василий Парфеныч, спесив не будешь?

Василий. Спесивому, красавица, дома сидеть, а я на игрище вышел.

Глаша. А не спесив, с нами "царевну" играй. Царевна-т у нас есть, вот она, а царевича найтить не могли. Становись-ка,

Василий. На чести -- спасибо.

Глаша. Начинай.

Парни и девки становятся в круг, попарно; затем царевна, Марьица, становится в середине круга; царевич же, Василий, остается вне круга и ходит вокруг него. Место, где они стояли, остается не занятым: это ворота города. Василий и Марьица делают то, что в песне поется.

Во-в городе царевна, царевна,
Как за городом царев-сын, царев-сын.
Как по городу щеголяет, щеголяет,
Шелковым платком махает, махает,
Золотым перстнем сияет, сияет.

Василий обошел круг, стал в воротах.

Отворяйтесь-ко ворота, ворота!

Как царев сын во-в город, во-в город.

Далее: Марьица кланяется ему, и он, войдя в город, постепенно подвигается к ней.

Поклонитесь-ко пониже, пониже,
Как еще того пониже, пониже!
Поцелуйтесь помилее, помилее.
И еще того милее, милее!

При следующих словах Василий берет Марьицу за руку и обходит вокруг внутри города; всем ее показывает.

Ты возьми-ка, свет, за ручку, за ручку!
Обведи круг городочка, городочка!
Посмотрите-ка миряна, миряна,
Какова я молодая, молодая:
Из станка девка висока, висока,
Из белил девка беленька, беленька.
Из румян - румяненька, румяненька.

Глаша (как кончилась песня). Теперь кому, мне что ли, царевной?
Девушки. Тебе, тебе!

Глаша. А я не хочу. Слышь, девки, что этак-то, сподряд всем -- скучно! Мы лучше бросим теперь, после доиграем. А теперь -- кому с кем любо. Ну-тка в рассыпную! *(Бежит первая; все разбегаются в разные стороны.)*

ЯВЛЕНИЕ XV

Живуля, один; потом Глаша и Абрам.

Живуля. Нет, Глашка-т моя какова? Бой-девка. Для меня ведь разбежаться велела. Ко мне сейчас прибежит. А мне ведь такую, бойца, и надобно; чтоб я ей слово, она мне десять. А смирная попадетса, беда, в год истираню. *(Входит Глаша; Живуля, подходя.)* Что ж, Глаша, поцелуешь?

Глаша. Что вздумал! Даром целовать охота ли. Ты мне сережки припаси: изумруд да яхонт, тогда поцелую.

Живуля. А без них?

Глаша. А без них -- Абрам идет. *(Абрам входит.)*

Абрам. Ты чего тут?

Живуля *(пятясь).* Уж не смей на игрище прийти? Не ты ль запрет положил? *(Все пя-*

тится.)

Абрам. Поговори еще!

Живуля (*еще пятится*). Я не с тобой, с ветром.

Глаша. Брось его, пойдем. (*Уходят.*)

Живуля. Эх, эх, девка, эхма! Свела старика с ума! Постой: своим подьячим умом подумаю, моя будешь! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XVI

Иван и Дарьица. Они выходят из глубины сцены и до конца явления доходят почти до авансцены, где и скрываются за кулисы.

Дарьица. Ты что ж мало с ним сидел?

Иван. А слышь, захмелел он... С хмельным что сидеть; я и говорю: не сходить ли, говорю, на село: каков Василий твой в хороводе? Он всем-де хорош; а в хороводе каков?

Дарьица. А он что?

Иван. Сходи, говорит, а я сосну. После расскажешь.

Дарьица. А больше ты ему сына никак не хвалил?

Иван. Как еще хвалить. Слышь, "ладен-де

во всем", сказал.

Дарьица. Ох ты простота, простота! Счастье мимо рук плыло, ты и не заметил!

Иван. Что за счастье?

Дарьица. А тебе старому примолвить бы: такого-де парня всякий в зятя пожелает. Разговор и пошел бы.

Иван. Ох, много, видно, старая, бражки хлебнула. Признавайся.

Дарьица. А там прибавил бы: роцца-де, что ты сронить велел, в Марьицино приданое зачтем...

Иван. Ой, винись! Ой, слышь, хлебнула! Хе, хе, хе!..

Дарьица. А там и за свадебку бы...

Иван. Экого парня в зятя норовить. Хе, хе, хе! Ой, хлебнула! Хе, хе, хе!..

Дарьица. А ты слушай... *(Проходят.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

Марьица и Василий выходят с другой стороны.

Василий. Оттого, знать, у вас весело...

Марьица. Воля у нас.

Василий. И дивно мне. Маленьким ведь отсюда увезен, ничего не помнил.

Марьица. А по нашему лучше ведь?

Василий. Как еще лучше-то!

Марьица. И всегда так-то. Год и два девка с парнем любят, а там женятся. Разойдутся ли, никому не обидно.

Василий. И с кем хочешь ходишь-гуляешь?

Марьица. А то как же?

Василий. И все с одним больше?

Марьица (с хитрою улыбкой). Ишь ты, Василий Парфеныч, скорый какой: так тебе сразу и расскажи все.

Василий. Я, Марья Ивановна, не про тебя, про всех вобще.

Марьица. Уж знаю я.

Василий. Ты не подумай...

Марьица. Пора бы и песень играть. Скучно так-то. Глашу, пойти, покликать. (Идет.)

Василий (идет за ней). Прости, коль не ладно молвилось.

Марьица (пошла и остановилась). Нет, ты не ходи. У нас так-то: пока девке охота, и парень с нею. Девкам ведь воля, не парням.

(Идет.) Ау, Глаша! Пора! *(Еще останавливается.)* Не ходи же: еще осудят. В первый раз, скажут, парень на игрище вышел, а она все с ним, да с ним. Будет еще время.-- Ау, Глаша! *{Уходит.}*

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Василий отходит в глубину сцены; Глаша, Абрам; потом девки и парни, все собираются постепенно; в конце Марьица.

Глаша. Ау, кто кличет? Все сюда.-- А ты отстань. Ишь какой выискался: замуж за него иди!

Абрам. Обещалась ведь.

Глаша. Ау, сюда! *(Ей откликаются; так же и дальше; собираться начинают.)* Я тебе как обещалась?-- Ау!-- Коли Марьица за Савушку, я за тебя, а у них врозь.-- Сюда!

Абрам. Что ж, что врозь?

Глаша. А то: с Савушкой на одном дворе живете, и я с Марьицей век прожила бы.-- Ау!-- А одного тебя мне на что? Лучше тебя, что ль, нет?-- Ау!

Марьица *(входя).* Вот она, где ты.

Абрам. Кто ж лучше?

Глаша. А Живуля; он хоть богатый. *(Марьице, которая подошла теперь к ней.)* Ты, что ж, одна гуляла? *(Василью.)* Тебе, знать, после московских, наши не показались. Один бродишь.

Василий. Может и ходил с кем, да один остался.

Глаша. Разве...

Марьица. Полно тебе. Уж в круг встали.

Глаша. А в круг, давай "царевну" доигрывать. Я теперь царевна. *(Девушкам.)* Начинай. *(Абраму.)* А ты круг города бодрей ходи.

Начинается игра; под звуки песни занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Роща

ЯВЛЕНИЕ I

Пелепёлиха, бедно одета, на пне сидит; сынишка ее грибы собирает; подле нее кузов стоит.

Пелепёлиха. Ты собирай, гляди, которые поменьше. На большие не зарься.

Сынишка (*подбегая*). Этот хорош ли будет?

Пелепёлиха. Покажь-ка! (*Он показывает.*) Ох, дурак, дурак! Бить тебя! Болван какой вырос,— поганки от гриба отличить не Умеет.

Сынишка (*с жаром*). Он же большой.

Пелепёлиха. Пошел, болван. Брось его! (*Мальчик уходит, она вслед.*) Да хороших, болван, набирай, не то драть буду.

ЯВЛЕНИЕ II

Пелепёлиха и Живуля.

Живуля (*входя*). То-то слушаю: чей голос

такой приятный да ласковый будет? Боярской ключнице челом бью.

Пелепёлиха. Ты хоть не смейся! Прогнал ведь. Прогнал, не вспомнил. С неделю его не видала. Иссохла вся.

Живуля. Сердцем сохнешь?

Пелепёлиха. Им, сердцем,— еще чем же?

Живуля. Храни бог, телом начнешь. А сердцем,— оно не видно.

Пелепёлиха. Не видно, а в щепку сердце иссушилося. Не поверишь ведь: не ем ничего, на еду вовсе не зовет.

Живуля. И сердце в щепку, и не ешь ничего,— а не видно. Аль присесть мне, побеседовать? *(Садится на другой пень.)*

Пелепёлиха. Присядь уж, побеседуй. Все-то от меня отступилися. Кого прежде била, рыло от меня воротят. Каково мне теперь терпеть-то!

Живуля. В морду била, а они рыло воротят. И-ах! Ты что же теперь думаешь?

Пелепёлиха. О чем думать? Не о чем мне теперь. Прежде бывало встану только, с утра думы в голове: в которое платье одеться, серьги какие нацепить, за обедом что есть будем?

А теперь как ничего-то нету, и думы нету.

Живуля. Без думы, чай, легче?

Пелепёлиха. Где легче-то? А сердце?

Живуля. Про сердце забыл. Что ж, на судьбу теперь плачешься?

Пелепёлиха. Еще как плачусь-то. Не на одну нонешнюю, на все судьбы плачусь.

Живуля. После такого житья -- диво ли?

Пелепёлиха. Житье что! А вся-то судьба моя какова? Родилась я девка дородная, из себя красивая! А что из того? Мне бы по красоте и дородству в боярынях быть.

Живуля. Ну, и по уму.

Пелепёлиха. Ум что,-- ум дело наживное. Ведь смолоду куда я девка глупа была, а Парфено-т Семенычу показалася. И в руки его забрать сумела же. И в каких еще рукавицах лет десять держала, в ежовых! Так вот он, твой ум что -- плевое он дело.

Живуля. Плюнь, да ножкой разотри -- вот он ум.

Пелепёлиха. Коль красота моя на него, злодея-варвара, не действует,-- ум что!

Живуля. Разотри, говорю.

Пелепёлиха. А еще думаю; под Москвой

жить, этак не тосковала бы.

Живуля. Меньше?

Пелепёлиха. Вот, как теперь же, грибков набрала бы, и пошла, поспрошала бы: царь, аль царица на богомолье куда не едут ли? Потом на дороге стала бы; как царица подъехала, челом ударила, грибков поднесла: она меня пожаловала бы, рублем отдала. А здесь гриб, на что он?

Жигуля. Бросить. А на Москве бы: боярин какой богатый, царицу провожал, тебя увидел. Тут ему и смерть пришла бы. Взял бы тебя, и ты, глядь, в терему сидишь: не то за семью замками, семью печатями запечатана.

Пелепёлиха. И верно: замуж за себя взял бы.

Живуля. Как не взять-то! особенно узнай какого ты роду. Панья ведь, сказывают.

Пелепёлиха. Панья и есть, только подменная.

Живуля. То-то толкуют: батька-де у нее велик человек был -- у короля Литовского на поварне посуду мыл.

Пелепёлиха. Это здешний отец у Парфен Семеныча посуду мыл, а тот, настоящий-то, в

чашниках служил.

Живуля. Вот поди ж ты, а я перепутал. Ты к этому, к поваренному-то мужику, как же попала?

Пелепёлиха. А подменена, говорю.

Живуля. И ловко ж подменили, узнать нельзя.

Пелепёлиха. Ловко; потому плуты.

Живуля. Как же ты узнала, что подменная?

Пелепёлиха. Не узнавала; вот Христос, не узнавала.

Живуля. Аль виденье было?

Пелепёлиха. И виденья не было, а сидела я, сидела, и о роде своем думала: "Неужто, думаю, мужичьего я рода? Быть того не может". И вдруг осенило.

Живуля. Откуда ж осеняло: спереди, сзади ли, аль с боков?

Пелепёлиха. Всю осенило, и все поняла.

Живуля. Наскрозь, значит?

Пелепёлиха (*подозрительно*). Да ты меня уж не вышучивать ли вздумал?

Живуля. Где вышучивать! Дивлюсь только. Господи, господи!

Пелепёлиха. То-то.

Живуля. Ну, а насчет того, как Семеныча к рукам прибрать, осенения тебе не было?

Пелепёлиха. Ох, не вспоминай! Уж не навек ли покинул меня, боюсь. Ты послушай-ка, что скажу. Третьего дни пирожков с маком запросил. Повар в ноги мне пал: "Матушка, выручи, окромя тебя никто на него теми пирожками угодить не может". Спекла я. Что ж? все ведь сжевал, ни одного не оставил, а про меня не вспомнил. Теперь одна надежда: на грибы. Коли грибы в сметане съест, не вспомнит,— в гроб живая ложись. Николи уж тогда не вспомнит.

Живуля. Боюсь, самой тебе гриба не съесть бы.

Пелепёлиха. Так-то ты доброту мою помнишь! Уж и смеяться надо мной вздумал! Словам моим не веруешь.

Живуля. Матушка ты моя! Чашница ты моя подмененная! Я ль твоим словам не верую? Что хошь скажи, поверую. Про себя скажи: "дура мол я", и тому поверую. Я зачем же к тебе присел-то? Горе твое разговорить хотел. Беде твоей помочь думал. Как Семеныча

вновь приручить, научить тебя мыслил. А коль не хочешь, ин бог с тобой! Пойду, да где в уголке о судьбе твоей горькой поплачу. (Встал.)

Пелепёлиха. Живулюшка, голубчик, да никак ты на меня озлобился? Да постой же. Слышь, ничего не пожалею, только научи ты меня, бабу глупую.

Живуля. Аль присесть?

Пелепёлиха. Присядь, золотой, присядь.

Живуля. Ин присяду (сел). Чтоб тебе любовь мою доказать, даром учить начну.

Пелепёлиха. Вот уж спасибо.

Живуля. Слушай: кто твой ворог главный, кого нам с тобой с пути сбить надо, не мешал бы, старика от нас не заслонял? Ответь: кто?

Пелепёлиха. Ворого-т кто главный? А Дарьца ведь; с нее спеси посбить надо.

Живуля. Ну, панья, дура ты, я вижу, расудку вовсе мало имеешь, и разговаривать с тобой человеку, который со смыслом, вовсе невозможно.

Пелепёлиха. Уж и рассердился! Аль не так ответила? Ворого-т кто главный? (Задума-

лась.)

Живуля. Ты уж умных людей лучше слушай, меня, сиречь. Василий главный враг, в нем вся сила. Не будь его, разве они помирились бы? Или тебя этак сам пугнул бы?

Пелепёлиха. Теперь точно вижу: Василий главный враг; его нам спихнуть надо.

Живуля. Ладно. Как спихнуть? На Москву чтоб уехал?

Пелепёлиха. Так, голубчик, так.

Живуля. А коли он прав пред отцом уедет, наше дело поди не выгорит?

Пелепёлиха. Так, голубчик, так.

Живуля. Значит, надо, чтоб он виноватым пред отцом оказался?

Пелепёлиха. Так, голубчик, так.

Живуля. Как же нам его в виноватые поставить?

Пелепёлиха. Так, голубчик, так.

Живуля. Чего затакала? Так да так. Не так, а как? Ответь.

Пелепёлиха. В виноватые как его пред отцом поставить? А не знаю. Ты научи.

Живуля. Я научу, только не дорога ль тебе наука покажется.

Пелепёлиха. Ты даром же, касатик, обещал.

Живуля. Начать науку даром обещал, да начало-т теперь кончено; конец пойдёт: о нем поторгуемся.

Пелепёлиха. И дорого с меня возьмешь?

Живуля. Зачем тебя, вдовицу, обижать? И взять с тебя, поди, нечего.

Пелепёлиха. Нечего, голубчик. Добра ведь я, что от Парфен Семеныча ни получила, все то раздарила.

Живуля. Все раздарила, ничего ни на ком не видно. А мне так уж подари, чтоб видно было. Пустяков прошу. Сережченки у тебя самые пустые есть, их подари.

Пелепёлиха. Которые ж похуже, не припомню. *(На уши показала.)* Эти что ль?

Живуля. Эти зачем же? А есть у тебя: яхонт с изумрудом, те подари.

Пелепёлиха. Что ты! что ты! Да тем серьгам цены нет!

Живуля. Знаю.

Пелепёлиха. Ведь оне покойницыны, женины; ведь я из-за тех серег три недели, ночь-день невступно, перед ним на коленях елози-

ла!

Живуля. Знаю.

Пелепёлиха. Ведь те серьги продать, век сыт будешь.

Живуля. И мне на век же.

Пелепёлиха. И зачем оне тебе занадобились? Ужли сам носить станешь?

Живуля. Девку, слышь, облюбовал. "Добудь, говорит, серьги мне: яхонт да изумруд". Мне не добыть, девки решиться. Что ж, по рукам?

Пелепёлиха. И в жизнь не отдам! Провалиться на месте, коли отдам.

Живуля (*встал*). Прощай. Коли тебе охота весь век в обтерганом платьишке тута на пне сидеть -- сиди, мешать не стану. (*Пошел.*)

Пелепёлиха. Ты куда ж пошел?

Живуля. А с Василий Парфенычем мириться, подучу его, чтобы все стариковы подарки у тебя обобрали, и сережки тут же.

Пелепёлиха. А я как же?

Живуля. На пне посидишь. (*Пошел.*)

Пелепёлиха. Да стой, постой ты! Вправду ль меня на прежнее место поставишь?

Живуля. Еще как поставлю-то: новые

серьги подарит.

Пелепёлиха. Меньше не возьмешь? *(Она идет.)* Ну, ну, ну... Ох, подавись ты!

Живуля *(подходя).* По рукам? *(Дает ей руку, она бьет.)* Теперь присядем. *(Сел.)*

Пелепёлиха. Что ж наука-то?

Живуля *(смотрит вверх и по сторонам).* Старик, думать надо, завалился теперь спать. Обеды прошли уж. Так; скоро и наука придет. Кажинный день в это время здесь бывает. *(Осматривается.)* Место -- ничего, прохладное.

Пелепёлиха. Где ж наука-то?

Живуля. Близко. Схорониться нам надо. Ты тут *(показывает), там. (Отходит.)* Ну-тка, приляг там. Только гляди: что ни услышишь не шелохнись, пока я на середину не выбегу. *(Та прилегла.)* Помолчи маленько. *(По молчанию.)* Идут, идут!..

Пелепёлиха *(вскочила).* Где, где?

Живуля. Ты зачем же вскочила? Все дело мне испортишь. Ложись опять.

Пелепёлиха *(присела).* Как копна лежу.

Живуля *(шепотом).* Тише ты! В самом деле идут.

ЯВЛЕНИЕ III

Живуля, Пелепёлиха в кустах; входит Глаша; следом Василий и Марьица.

Глаша (входя). Какие тут вам голоса почудились? Никого нету. Тихо все. (Идет опять за кулисы.) Идите!

Живуля (сам с собой). На перепелов я хаживал: точь-в-точь. Что самец, что парень -- дураки оба.

Входят Глаша, Василий и Марьица.

Глаша. Ну, пощобечите тут. Я мешать не стану. Грибов поищу. (Уходит в глубину рощи.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Василий и Марьица; Живуля и Пелепёлиха в кустах, зрителю не видны.

Василий. Что ж, Марьица, как я сказал, согласна?

Марьица. Не знаю, что сказать... уж боль-

но скоро...

Василий. Откладывать зачем же? И нельзя:
зя:

Не надолго отпущен государем,
Недели через две в Москву собирать.
Теперь не хлопотать, когда ж успеем?
А дела-т нам осталось немало.

И наперво, как только согласишься:
Отцу сказать, уговорить его.

Там сватанье, а там начнутся сборы,--
Немало времени уйдет. И дело,--

Не таково оно, чтоб в долгий ящик

Откладывать. Что скажешь? Как рассу-
дишь?

Марьяца. А то же повторю: ох, больно
скоро!..

И дивно мне: когда ты полюбить
Меня успел? Мое иное дело.

Не говорю: тебя я полюбила,

Скажу: будь у меня охота только,

Уж полюбить успела бы. Есть мне,

За что любить. Как к нам вошел

Впервой, да с батюшкой умильно речь

Повел, и вижу: добр он парень, ласков,

Умен и из себя пригож. Такого --

Хорошей девушке любить не стыдно.
Не полюбить-то было как? Отец
С утра до ночи про тебя твердит,
Все хвалит. Матушке ты люб же, право.
Мне, девке, и господь велел.-- Как Глаша
Звать стала в рощу по грибы, не нынче...
Тогда... наавтра Петрова-дни...
Уговорились вы! не отпирайся!
Я вижу по глазам, да бог простит!..
Как позвала тогда меня Глашутка,
Вся вспыхнула, прикинулася только:
Вишь ты,-- идти мне будто неохота,
И ноженьки болят: хитры ведь девки!
А у самой затрепескалось сердце,
И все твердит: "Пойдешь, увидишь пар-
ня".

Я и пошла: "Грех не велик, сказала,
На парня поглядеть разок; не грех же
С ним покалякать..."
Ох прости! не то... Куда свернула!..
Ведь спросить хотела:
С чего тебе бы полюбить меня?
Всего неделя, как меня узнал-то,
Раз пять со мной, не боле, говорил,--
Ужли так скоро мог меня ты вызнать?

Я не такая, может, как кажуся...

И дома про меня не мог ты слышать;
Твой батюшка хвалить меня не станет.

С чего ж тебе могла я полюбитьсяя?

Василий. Чем полюбилася -- скажу по правде.

Не поскучай, начну я издалуче.

У деда на Москве живу с измальства,

Отцу он дядя, мне второй отец,

И он же научил невесту выбрать...

Зовет меня и говорит: "Васюта..."

Кабы ты знала старика! Таких

На свете много ль есть -- разумен, книжен,

А доброта,-- дай бог ему здоровья!..

Так подозвал и говорит: "Васюта,

В такие-де теперь ты вступишь лета,

Отец замыслит оженить тебя.

Ты к этому готовым будь заране,

Обдумай не спеша,-- жена на век-де.

Наметит где отец невесту, скажет

Тебе о том: ты погляди ее.

Уж расстарайся, чтоб ее повидеть.

И главное: взглядишь ей зорко в очи.

В очах -- душа. Коль очи будут светлы.

Душа светла же. Нету светлоты,--
Темна душа. Такою не прельщайся,
Не зарься ни на что, отцу противься.

В монахах лучше жить, чем с злой же-
ною.--

Есть у апостола святое слово:
Оставь отца и мать, и прилепися
К жене своей!" -- Вот стариковы речи.
Теперь, "чем ты люба мне", поняла ли?
Чего ж ты плачешь?

Марьица. Не гляди, что плачу.
Ты в очи мне взглядишь, - смеются очи;
Все улыбаюся, а только слезы льются...

Василий. Ужли теперь по-прежнему от-
ветишь?

Марьица. А как сказать... Пусть согласи-
лась я

Не говорю: "согласна", а поверь
Ты мне, на малое поверь на время,
Что будто я с тобою согласилась:
Твой батюшка благословит ли нас?
Не о такой он, чай, невесте мыслит?
У нас ни роду, ни богатства нету...

Василий. Ты батюшку не знаешь; не та-
ков,

Каким он кажет: ни суров, ни грозен.
Меня он любит, для меня отказа
Не знает. С батюшкой твоим
Не ради ли меня мириться вздумал?
Приспешников всех прежних разогнал,--
Все для меня же.-- Я пойду к нему.
По истине, как было, доложу.
Суди, скажу, не сам ли бог устроил?
Как мне приехать,-- сватали ее,
И свадьба та недаром разошлася!
Знать, не тому, мне богом суждена.
Меж вас, отцов, не он ли мир уладил?
А до меня в несносной ссоре жили...
Еще скажу... ужли ж в нем сердца нету?
Марьица. Ох, верится, что так оно и бу-
дет!

Желанный мой, сердечный да хороший!
(Бросается к нему.)

Василий (целует ее). И будет так. Ты бо-
гом мне дана.

Я верю, верю... Ты ли не согласна?

Марьица (прижимаясь к нему).

Как весело, как радостно-то стало!

Василий (обнимает ее). Желанная, хоро-
шая моя!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же; Пелепёлихин сынишка вбегает.

Сынишка. Мамонька, глянь, сколько грибов набрал!

Василий и Марьица, испуганные неожиданным криком, отошли друг от друга.

Пелепёлиха (выскакивая из кустов). Стой, стой, держи их!

Живуля (также). Держи-поддерживай!

Сынишка. Ай, леший! леший. (С криком убегает.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Василий, Марьица, Живуля, Пелепёлиха.

Василий (пошел Живуле навстречу). Вы что за люди? Чего вам надо?

Живуля. Грибки, государь, собирали. Вон он, кузовик стоит. (Кланяется.) Приказу от тебя какого не будет ли?

Пелепёлиха (тем временем подбежала к

Марьице). Ишь ты, тихоней прикидывается! Уж не у матушки ли парней выуживать научилась?

Василий. Чего вам надобно? Ступайте прочь.

Живуля. Истинно, государь, приказу жду. Повелишь: ничего-то я не знаю, не ведаю. А не то и батюшке сдоложить можем.

Василий. Ах ты, плут подлый!

Пелепёлиха (*в смелости дошла до того, что за руку Марьицу схватила*). Нет, скажи: под пятницу в ночь баню зачем топили? Не без ведовства тут.

Василий (*бросив Живулю на Пелепёлиху*). Прочь ты, ведьма!

Пелепёлиха. Ты не кричи: не испугаюсь!

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же. Глаша.

Глаша (*вбегает, схватывает Василия за руку*). Василий Парфеныч, что ты? брось их! Гляди, Марьица еле жива стоит. Уведи ты ее! Веди же. (*Василий исполняет.*) Одна я с ними отругаюсь. С них и меня довольно! (*Василий*

уводит Марьицу.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Живуля, Пелепёлиха, Глаша.

Пелепёлиха (на Глашу). Ты отколь выскочила? Свела их, теперь струсила? Погоди ты ужо! Живуля, идем, что ль, скорей. (*Дергает его за рукав, тот двигается.*)

Глаша (*Живуле*). Ты куда? Аль Петров день забыл?

Живуля. Где забыть! Про сережки помню.

Глаша. Помни еще: только ты Парфен Семенычу слово, не видать тебе Глашки, как ушей своих.

Живуля. А не скажу -- моя будешь?

Глаша. Увидишь! А теперь уста у тебя чтоб запечатаны были; не то завтра ж с Абрамом в церковь пойду. (*Пелепёлихе.*) Ты доноси. Так-то тебя протурят -- пух полетит!

Пелепёлиха. Ты чего расхрабрилась? Ты знаешь ли, что мне теперь делать надо? Стать вот так (*исполняет; то же и далее*), в боки вот так руками взяться, да павой пройтись, да на

тебя нетто через плечо вот этак глянуть, да в глаза над тобой надсмеяться! Ха, ха, ха!

Глаша (ей). Мне с тобой теперь доругиваться нечего. Пень вот стоит, с ним за меня доругайся. (Живуле.) А ты помни -- молчок, обо всем молчок,-- не то! (Грозит и убегает.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Пелепёлиха, Живуля.

Пелепёлиха. Что ж, идем что ль? Ворошись!

Живуля. Чего толкаешь? Нужда мне за тобой идти!

Пелепёлиха. Аль девчонки послушался?

Живуля. Ты о ней пикнуть не моги. Уговор раньше исполни. Сережки -- изумруд даяхонт -- где оне? (Подставил горсть.)

Пелепёлиха. Аль с ума спятил? Дела никакого не сделал,-- серьги ему подай!

Живуля. Без серег -- ни с места. Еще против тебя пойду. И тебе одной веру дадут ли? И в суде двух послухов надо.

Пелепёлиха. Я серьги отдам, а ты надуешь?

Живуля. С роду никого не обманывал. И с чего ты взяла, что тебе, бабе, поверовать можно? Я тебя опять в ближние ключницы поставлю,-- а ты, на-кось, не то серег не отдашь, еще Парфен Семеныча гнать меня научишь.

Пелепёлиха. И зачем тебе серьги занаводились? Неужто на этакой девчонке паскудной жениться задумал? У нее, в ушах ее подлых, да мои серьги висеть будут! Ввек не отдам!

Живуля. Девки не порочь: бить стану.

Пелепёлиха. Она ж тебе молчать велела. Слово скажешь -- девки решишься. К чему ж тебе серьги в те поры?

Живуля. Аль я у тебя совета просил? Аль ума у тебя занимать приходил? У меня ума, слава те, своего довольно! С серьгами все сделаю, все оборудую.

Пелепёлиха. А без серег?

Живуля. Проваливай.

Пелепёлиха (с сердцем). Ин отдам! Утроба твоя ненасытная. (Дергая за рукав.) Идем.

Живуля. Малость погоди.-- Ты слов, что Василий Парфеныч говорил, не запомнила?

Пелепёлиха. Стану я такие срамные сло-

ва помнить! не беспутная еще!

Живуля. Напрасно. Знатные слова, улещливые, всякую девку ими улещить можно. Беги вперед, серьги доставай; я сейчас. *(Она идет; он, по малом молчании.)* Как это бишь? Постой. *(Вспоминает.)* Коль очи светлы... Эх, дьявол, дальше-то забыл. Да и черт в ней в светлоте-то: кабы в них приданое увидеть можно, или опять что у судьи в мыслях. Коль она светлы... Ну, значит рада, что жених богат. Вспомнил. *(Идет.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

У Коркина. Богатая горница. Двое дверей: боковые и средние.

ЯВЛЕНИЕ I

Парфен и дворецкий; из боковых дверей выходят.

Парфен. Да как они прийти посмели? Ты чего же смотрел? На двор зачем пускал?

Дворецкий. Неотступно, государь, просят. Дело-т великое, сказывают. Не доложить не посмел.

Парфен *(помолчав)*. О чем дело?

Дворецкий. Сына твоего, государь, касающее.

Парфен. Василья?

Дворецкий. Василий Парфеныча, государь.

Парфен *(подумал)*. Ин впусти. *(Сел у стола.)* А Василий дома?

Дворецкий. Не так давно приходил. "Батюшка встал ли?" -- спрашивал. Отдыхать еще в те поры, государь, ты изволил,-- опять куда-то пошел.

Парфен. Ладно. Зови. *(Дворецкий в средние двери уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Парфен *(один)*. Что еще про Василья такое? Не с ветра ж говорить пришли. Аль в сыне я ошибся? Аль вороги мои на него что замыслили? Узнать, накрепко разведать.

ЯВЛЕНИЕ III

Парфен, Живуля и Пелепёлиха из средних дверей входят.

Парфен *(по их челобитьи)*. Зачем пришли?

Живуля *(тихо Пелепёлихе)*. Говори же.

Пелепёлиха. Ох, государь, не вели казнить. Великое дело объявить пришли. На пытку поставишь,-- все то ж сказывать будем. Потому -- слово наше праведное.

Живуля. Истинно, государь.

Парфен. О Василье что?

Пелепёлиха. Его, государь, околдовали ведь; зельем приворотным опоили.

Парфен *(весь выпрямился)*. Что? Когда?

Пелепёлиха. А Дарьица с дочкой. Еще под пятницу в ночь баня у них топлена была. Тогда еще я на них подумала. И в самую, государь, во полночь, как, государь, петухам петь, взяла она, змея, дочку свою, и вместе с дочкой своей,— Глашутка еще девка есть, на дворе у них, государь, живет,— что ни на есть первая в свете еретица. И все втроем, государь, в бане ведовство творили и след вырезали же. И потом зельем тем сына твоего поили, и с того зелья, как очумелый стал.

Парфен. Как же в бане следо-т очутился?.. ты толком сказывай.

Пелепёлиха. А было еще, государь, такое дело. Нынче, государь, с Живулей вот, да с сынишком, государь, моим, про твое здоровье в роще грибов, государь, собирали. И чтобы мне живой не быть, и сынишке моему, что грибы для твоего здоровья собирал, чтоб его волки заели!

Парфен. В роще что?

Пелепёлиха. А в роще, государь, у нас про великую твою государскую милость разговор был, и таково-то, государь, тебя мы хвалили, и вдруг...

Парфен. Что?

Пелепёлиха. И вдруг, государь, слышим мы, государь, слова срамные. И таковы-то те слова срамны были, на ногах мы, государь, устоять не могли, в траву оба пали. И слышим мы, государь...

Парфен. Что такое?

Пелепёлиха. А Машка-т бесстыжая тебя бранит. Такой-сякой, сказывала. И стала она сынка твоего многими прелестными словами улещивать, и прельстился он, государь, ею. И тут у них дела такие-то, и-ах, царь небесный! пошли. Не то сказать, подумать -- грех велик. Два языка у меня во рту будь привешено, ни один про те дела слова выговорить не повернулся бы.

Парфен (*вскочил*). Врешь ты!

Пелепёлиха. Мне не веруешь -- Живулю спроси. При том, государь, был, все своими глазами видел.

Парфен. Правда? *(Живуля молчит.)* Правда ль, спрашиваю. Что ж молчишь?

Живуля. Зарок у меня, государь, даден: ни слова тебе про то дело не сказывать. А доложу тебе: слова, что Пелепёлиха тебе, государь, сейчас сказывала,— я же, государь, ее складно сказывать учил. С час времени помучался, пока затвердила. Окромья что про баню и Глашутку от себя прибавила. А самому мне про дело слова сказать нельзя: велик зарок, государь, даден.

Парфен *(строго)*. А сейчас вот у меня заговоришь.

Живуля *(на колени пал)*. Не пытай, государь! Без слов, государь, отвечу. Изволь только, государь, очами своими светлыми на мое лицо холопье воззриться! Все, государь, на нем обозначится, все выразишь. А словом: ни-ни-ни, не могу.

Парфен. В роще был? *(Живуля выражает, что был.)* Все, как она сказывает, видел? *(Живуля опять выражает на лице утверждение.)*

Пелепёлиха. И еще, государь, послушай. Не про все твоей чести доложить успела. И начала она, государь, еще улещать его: же-

нись-де на мне. И уговорилися: нынче в ночь сынку твоему, государь, потайно уйти, и венчаться им нынче же. А там на Москву ему ехать; и ей с отцом своим беспутным на Москву ехать же, там жить. И еще, государь: Глашка-де об отце твоём промыслит, не долго жив будет.

Парфен (*Живуле*). О венчаньи уговор был? (*Живуля опять лицом отвечает; Парфен, отходя, горько.*) Был же, был.

Живуля (*подымаясь с колен*). Только, государь, про Глашку опять от себя она пригнала. И то ее, государь, отсебятина. А я, государь, о деле слова тебе не сказал.

Парфен. Ладно. Половина правды, и того довольно. Ох! (*Помолчав.*) Эй, кто там? (*Живуля в двери, и тотчас с дворецким возвращается.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Парфен, Пелепёлиха, Живуля, дворецкий.

Парфен (*дворецкому*). К соседу, к Ивану Силычу, сейчас сходи. Проси, чтобы с дочкой пришел. Сейчас же. Слышь, с дочкой беспре-

менно. Вдвоем. Малость погоди. (*Задумывается.*)

Живуля. А нам, государь, здесь ли своего жалованья подождать велишь, аль после за ним прийти укажешь?

Парфен (*дворецкому*). Вот еще что. Будет, спросит Иван: зачем-де Парфен Семеныч нас звать изволит? Не знаю-де, ответь, а только -- и эти слова будто от себя прибавишь -- а только-де с сыном у государя сейчас разговор был, и после того разговору государь весел таков стал и вас позвать велел. Будто от себя эти слова скажешь. Понял?

Дворецкий. Понял, государь.

Парфен. И еще: подьячего сейчас со двора сбить. Бабе подводу дать: пусть, со всем скарбом, куда похочет, едет. Слышал? (*Отворачивается.*)

Дворецкий. Слушаю, государь.

Живуля (*гладит себя по голове*). Пай, Живулюшка, пайнька, что серьги вперед взял!

Немая сцена; Парфен, задумавшись и не глядя на других, у стола сидит. Дворецкий за рукав дергает Живулю; тот ему на Пелепёли-

ху мигает; оба берут ее под руки и хотят вести.

Пелепёлиха (*рвется от них*). Господи! Государь ты мой, Парфен Семеныч, прогонишь меня,— кто ж в ключах у тебя будет ходить? Кто тебя, государя моего, пирогами с маком кормить станет?

Парфен (*не оборачиваясь*). Аль приказ мне повторять? (*Пелепёлиху силой ведут.*)

Пелепёлиха (*в дверях*). Хоть серьги, аспид, отдай.

Живуля. Вчера бы пришла.

Уходят: Пелепёлиха, Живуля и дворецкий.

ЯВЛЕНИЕ V

Парфен (*один*). Придет Иван, скажу ему... Полно, правду ль еще про Василья сказали? Врут, все врут: не верь, Парфен. Еще Парфен, хвалился: мол сына люблю! Где ж она, любовь-то твоя? Людишки последние пришли, любимого твоего оболгали,— им поверовал. Лгут ведь все; лгут, лгут. Твой Василий таков ли? Против отца пойдет ли? -- О-ох! Одна тут,

чую, правда есть. Одна. И той одной довольно, чтоб отца убить. Женить ведь его хотят, на доброте изловить, у отца отнять! Вот она, правда, в чем. И за нее, Иван, ты мне ответчик! Я сына на гибель не отдам. Умру,— на твоей дочери женат не будет. Что на нее нальгали, Иван,— тому не верую. И пусть она добра будет и из себя пригожа, и умом сверстна, и все в ней, и краше ее на свете нет! А невесткой моей ввек ей не быть. Сына своего, Иван, от умысла твоего спасу! Так ты за этим мириться шел, чтоб сына у меня отнять? -- Ох, и людишки же на свете живут.— Стой! идут, кажись.— Встряхнись, Парфен, гостей дорогих умеи встретить; свата с невесткой лаской приветить!

ЯВЛЕНИЕ VI

Парфен; входят Иван, Марьица.

Парфен (*пошел навстречу; приветливо*). Уж прости, Иван, послал за тобой,— самому к тебе бежать надо бы. Да недужен. Ох! -- Чай, сдогадался, зачем посылал; не сдогадался, дочка шепнула?

Иван. Шепнула, Парфен, шепнула. Рад я, слышь. И ты добр ведь. И то сказать: сыну как отказать? Да.

Парфен. Что ж не садишься, Иван? Сядь.

Иван. Присяду, Парфен, присяду. *(Сел.)*

Парфен. А дочка? *(Сел.)*

Иван. В страхе у меня, слышь, воспитана: перед нами, Парфен, постоит. А Василий где же?

Парфен. За делом, Иван, у меня послан. За каким, сам, чай, догадаешься.

Иван. Ужли за попом? Сейчас благословить хочешь?

Парфен. Откладывать зачем же?

Иван. Старуху мою что ж обидел? Такое дело великое без матери как делать?

Парфен. Обижать зачем же! Думал, Иван, невестку сперва поглядеть. Надо ж свекру знать, какова богоданная. А старуха твоя с нами тут будь,-- говорить дочке не дала бы, сама беседовать захотела.

Иван. Правда твоя. И ловко ж ты бабью повадку, Парфен, заметил. Хе, хе, хе!..

Парфен. Хе, хе, хе! А дочку как звать?

Иван. А Марьица ведь у меня.

Парфен. Ну-ка, Марья Ивановна, покажись. Давно тебя не видел. Невелика тогда была. *(Марьица ближе подходит.)*

Иван. Невеличка, Парфен, невеличка. А теперь какова выросла?

Парфен *(смотрит на Марьицу)*. Красавица. По красоте, говорить нечего, всякому в пору. И ум есть. Не умна была бы, Василья моего не приручила. Давно ль, Марьица, с сынком моим сошлася, а?

Марьица. Прости, государь, как звать тебя, не знаю: Парфен ли Семенычем прикажешь, батюшкой ли велишь?

Парфен. Батюшкой? Ин батюшкой зови. От слова не станется.

Марьица. Где ж давно было, батюшка, узнать? Давно ль он у тебя гостит, сам ведаешь.

Парфен. Скоренько ж у вас дело сладилось.

Марьица. Скоро, батюшка. И я то ж ему говорила, да он свое, спешить-де надо.

Парфен. Как не спешить: такого жениха поскорей окрутить надо. Другой такой богатый да простой скоро ль подвернется!

Иван. Чтой ты, Парфен, будто не ладно говорить стал. То "от слова не станется", молвил, как она батюшкой назвать тебя хотела, а теперь...

Парфен. Молчи: Иван, налажу сейчас. *(Марьице.)* Поди так заспешила бы, не дай я благословенья своего, все ж обвенчались бы.

Иван. Ты меня, Парфен, спроси: я без благословенья твоего отдам ли?

Парфен. Ах ты, плут старый! Дрянь ты подорожная! По дорогам тебе, дрянь, в грязи лежать, чтоб кони тебя топтали, а ты ко мне в родню лезешь!

Иван. Аль ты, Парфен, нездоров стал? Что говоришь -- сам, поди, не знаешь.

Марьица. Батюшка! пойдём отсель; аль не видишь: обманом сюда завели! Надругаться над нами хотят.

Парфен. Дурак старый! Ужели у тебя рассудить умишка не хватило: каков ты мне сват, сыну моему тесть будешь? Хоть то вспомни: отцу твоему в поход идти, подняться с места нечем было. И в те поры дед твой к моему в выжлятники, щенков чесать, пошел, только сынишке своему конька добыть бы!

Марьица. Батюшка, пойдем.

Иван (*встал неторопливо, при последних Парфеновых словах*). Стой, дочка, стой. Ответ еще сказать ему сумею. Да. Мой дед зачем себя продал, а? Слышь, сына своего за матушку Русь святую на войну снаряжал. Да. Твои деды такое делали ли? Да. Пойдем, дочка, пойдем. Ответ даден. Да. (*Делает несколько шагов.*)

Парфен. Стой. Ты род свой вспомнил бы. Наш род всегда велик был. Коркины не то в стольниках, в окольныхчих бывали.* А твои деды -- хоть один -- при царевом дворе, на царских очах служили ль? Голь вы кабацкая!

Иван. Не то при царском дворе, при царике*, слышь, ни один не служил. В те поры, как ты, государь, у вора в Тушине в ногах валялся, да от него к Шуйскому* царю перелетывал. Да. У того и другого вотчин выпрашивал, богат да воровством знатен стал,-- мы, голь, за веру Христову, слышь, стояли; с Прокопом, слышь, Петровичем, с Лягуновым* ведь, а там с Кузьмой Миничем* кровь свою проливали. Да. Вот мы, голь, каковы! А ты, ворм в бояре жалованный, против голи слова

сказать не можешь. Стыдно, ведь. Да. Стыдно. Пойдем, дочка, пойдем.

Парфен. Да я тебя!.. *(Делает несколько шагов.)*

Марьица. Батюшка, родной мой!

Иван *(загораживая ее).* Пройди, дочка, в дверь. Не тронет ведь. Не посмеет. А я в дверях еще ему слово скажу. Ты теперь мне покланяйся, чтоб сынка твоего в зятя себе взял. Да. Не воры, слышь, мы, нет,-- голь ведь. И честь у нас не купленная же, не у воров вымоленная, а своя, прирожденная. Да, *(Грозится в дверях и уходит, пропуская Марьицу вперед.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Парфен *(один).* Обруган, оплеван стою, а на душе весело; как смерд последний, за себя не вступился, на обиду смолчал,-- а на сердце легко. И как тебе, Парфен, веселому не быть? Сыно-т твой спасен ведь, спасен! Горд ведь Иван, сильна твоя обида, ввек ее не забудет: дочки своей не отдаст теперь. Не отдаст. "Покланяйся", сказал. Не поклонюсь. Не надобен ты мне, и дочка твоя не надобна же. Вижу,

Парфен, любишь ты сына: обиду за него перенес. А он, Василий, любовь твою оценит ли? Не теперь, нет; горевать теперь станет. А там... мой опять. И никто у меня его не отымет. Велико ль у парня молодого по невесте гореванье! До новой невесты; с утра и до утра. А как на Москву уедет, да высоко в царевом дворце станет, что сокол над всеми взлетит,— в те поры девчонку вовсе забудет, над глупостью своей сам же посмеется, спасибо отцу скажет. Как же тебе, Парфен, веселому не быть? Веселись, старик: умно поступил. *(В средние двери стремительно вбегает Василий.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Парфен, Василий.

Василий *(вбегая)*. Батюшка, что ты сделал? Что ты сделал, батюшка?

Парфен. Аль отца к ответу звать пришел? Ты как же, у отца не спросяся, невесту выбрать смел? С ней да с вором, с отцом ее, стовор держал? Скоро ль, сынок, свадебка? Отца-дурака на свадьбу хоть позовешь ли? Аль

порог ему укажешь: пошел-де, старый пес, не твое дело.

Василий. Что говоришь-то, батюшка! Да без твоего благословенья под венец пойду ли? Аль ты меня, батюшка, не знаешь? Ты то спроси: где был я? Приходил ведь сюда, говорить с тобой хотел. Отдыхать изволил. Думаю: "Господь все устроит, невесту тебе послал, а ты с отцом говорить задумал -- перед таким великим, на всю жизнь, делом богу молился ли? чтобы господь благословил тебя?" Пойду, сказал, в церковь, помолюся. "Господи, молился, дай нам совет да любовь! Умягчи сердце родительское! Ни славы, ни богатства не прошу: в одном в этом счастье пошли мне, все отними,-- и прославлю имя Твое святое". Домой пошел, на сердце легко. "Добр батюшка, позволит", думаю. А дома-т: только в ворота... Иван Силыч в слезах навстречу... и Марьяца...

Парфен (*видимо тронут*). Вижу: добрый ты мне сын, Василий. Добрый.

Василий. С чего ж ты, батюшка, против меня стал? Приходу моего зачем не дождался? Меня вперед зачем не спросил? Ничего то-

го не было бы!..

Парфен. Добр ты, Василий, и до конца таковым останься. Глупый! аль отец тебя не любит? добра тебе не желает?

Василий. Верю. Как этак-то любовно глядишь, говоришь ласково, что любишь -- верю. Батюшка, родименький! Коль люб я тебе,-- сделай ты мое счастье, прикажи на Марьице жениться.

Парфен. Василий! Люблю я тебя, а ты судить меня не смей. Нет тебе моего благословенья. Воля моя такова, и ты ее слушай, своевольником не будь.

Василий. Батюшка, слова тебе супротивного не вымолвлю, только скажи ты мне: чем она тебе не по нраву пришла? Сейчас ли тебе согрubiла? Не показалась ли чем?

Парфен. Разве я тебе слово против нее сказал? Не судья я ей: всем хороша. Только тебе не пара.

Василий. Ужли что не богата, не родовита,-- тем тебе не полюбилась?

Парфен. Не пару возьмешь -- погибель свою устроишь. А я погибели твоей не желаю. Затем жениться не велю. Выбери ты невесту

себе под пару, слова не сказал бы.

Василий. Сам ты, батюшка, как на ма-тушке на моей, покойнице, женился -- безрод-ная ведь была, бедная -- под пару себе невесты что ж не искал? Что сам делал, сыну то делать зачем же претишь?

Парфен *(в сильном волнении)*. Что вспом-нил ты? На покойнице женитьбой корить ме-ня вздумал? Про родительницу слово сказать мне велишь? Гляди ж, сынок, на меня не пе-няй! Все ведь скажу. Душу ведь мою всю по-преком своим ты ранил! Прошлое вспомнить, плакать старика заставил. Гляди, те слезы не отлились бы тебе!

Василий. Батюшка, голубчик мой! Что с тобою? Обидеть тебя в мысли не имел.

Парфен. Теперь меня уж послушай! Сло-во сказано, не воротишь. Слушай же! Смолоду я честь и славу любил, из первых быть бы, о том только дума моя была. Смута на Руси ста-ла -- я все о своем же думал, своего добивался. И добился. Новых царей народ поставил, до-бытого я не потерял же. При покойном царе в начале в какой чести был. Недругов-завист-ников у меня немало было; вспоминали про

старое, бывалое мое; перелетом и изменником величали; да шепотком, вслух не смели. Каков я смолоду был -- сказывать не буду; не только ты, никто на земле мне в том не судья. Богу одному ответ дам. Не я один, вся земля в те поры замутилася. И не молод уж был я, от двух жен вдовец, как в третьи на матушке пожениться захотел. Других невест мне сватали, от матушки твоей все отговаривали. Да не послушал я. Все-де для чести жил, дай на старости для себя поживу, сказал. По воле своей сделал. И все от меня отшатнулись, все по двум женам прежним сваты от меня отвернулись. Думал: на время-де, обойдутся. Так оно и было бы. Да на время-то, на малое время, один, как перст, остался! Слышишь: на малое только время!

Василий. Слышу, батюшка.

Парфен. В эту-то пору вороги одолели меня! Как еще одолели, подо что подвели! Где я живу теперь? В какой чести? Ох, горька, сынок, опала была, и посейчас горька же! Что горя вытерпел! Что слез пролил! Каждый-то день, как спать ложиться, каждый час судьбу свою проклинал и сейчас клянусь! На жену, на

мать твою, без думы горькой, без попреку глядеть не мог! Какова ей, какова мне жизнь была? И вот что ты сказать меня заставил; словом своим до слезы душу мне пробил. Что ж, весело тебе про мать свою речи такие слышать? Плачешь? Горько тебе? А я прямо скажу: не женись я на ней, не бывать бы тому! Не в опале, всеми поругану, жить бы мне! Сына на дядины руки не отдавал бы! Сам ему пестуном был бы. И ты все это слушай -- плачь и сокрушайся.

Василий (*растроган*). Батюшка, перестань!

Парфен. Не перестану, сынок. Отцовскую душу возмутить сумел -- рыданья ее теперь послушай! Что мне, такую ж, как моя, тебе судьбу стготовить велишь? Чтоб и ты весь век тут прожил, в болоте смрадном задыхался, образ божий потерял, с подьячими возился, на соседях гнев срывал, с подлой бабой, как с женой, жил, жену свою любимую попреками в гроб свел, на людей, как на скотов, глядеть стал. Видишь, сынок, во всем, во всей жизни своей перед тобой каюсь! Вот до чего ты отца родного довел! Радуйся теперь! А я скажу:

жизни такой сыну своему не хочу. Плачь ты передо мной, сокрушайся, ноги целуй,— воли моей не изменишь. Слез твоих видеть не буду; на мольбы твои глух. Сердце ожесточу. Доволен ли, сынок? Женитьбой меня еще прекрывать станешь ли? А я слово свое сказал.

Василий. Батюшка, уж прости ты меня, что ненароком тебя растревожил.

Парфен. Бог уж простит! Что ж, и теперь против отца пойдешь?

Василий (*мягко*). Эх, батюшка, не погневись, дай мне слово молвить. Человек ведь на человека не приходится. Тебе слава да почести любви, а мне-ка оне ненадобны! Век бы здесь с женой прожил!—

Парфен. Ладно. Дело кончено, и говорить о нем нечего. Что себя тревожить!

Василий (*также*). Против воли твоей, батюшка, не пойду. Теперь тебя просить, не умилюстивишь. Я ждать буду. Бога молить стану, чтоб он сердце твое умягчил. Молод еще, отчего тебе в угоду год, другой женитьбой не погодить?

Парфен. Ты что замыслил, подумай: против отца бога молить хочешь. Нет моей воли,

и век ее не будет. И еще знай: коли на то надеешься, что через год-де -- другой отец одряхлетет, умолю его тогда. И умолишь, может; на одно только неумолим останусь: у Ивана прощенья просить не пойду, и век потому за тобой Марьице не быть.

Василий (*вспыхнул*). Ты к чему ж, батюшка, мне про это сказал? Мало тебе, что сын воле твоей покорен? Надругаться над ним надо! За что? Что отец ты!..

Парфен. Твои ли, Василий, речи слышу?

Василий. Мои, государь. С чем вошел сюда, что тебе выговорить хотел, забыл было. "К ответу меня, что ль, звать пришел?" спросил ты, и смолчал я, отца в тебе уважил. Затем ли, чтобы ты надо мной ругаться стал?

Парфен. Таков-то ты, сынок, покорен: пока отца умаслить думал, дотоль к нему подлаживался, лебезил пред ним. А как "твердый отец" увидел, грубить ему?

Василий. Не грубить, правду сказать хочу. И скажу, даром отец мне! Сам вызвал, сам понудил.

Парфен. Что скажешь-то? Что? Говори, коль смеешь!

Василий. Все скажу. Кому ты против меня поверовал? спрошу. Зачем, на меня в злобе, других обижал?

Парфен. В злобе ль на тебя Ивана обидел? Спасал тебя; от гибели тебя, пойми, спасал,— затем обидел. Обидеть его хотел ли? Не меня, любовь мою к тебе вини.

Василий. Не она ль, не твоя ли ко мне любовь, и над любой моей надругался? Ты то попомнил бы; дорога-де она сыну, жизни дороже. Отниму ее, жизнь у него отниму. К чему ж ты ругался еще над ней, сыновнюю душу в грязь зачем топтал?

Парфен. Аль она тебе отца дороже?

Василий. Дороже, нет ли, что тебе в том? И мне теперь что? Полно, я тебе дорог ли? Не душа моя дорога тебе, то дорого, чтоб в чести да в славе на Москве я был, а тебе мной хвалиться да хвастать!

Парфен. Василий! Ты помнишь ли, что с отцом говоришь?

Василий. Уж помню ли я? Где помните Одно помню: отнял ты ее у меня, еще помню: над душой моей надругался. Что ж, еще до сыти ругайся! Жив еще перед тобой стою. Убей

меня, убей, и над мертвым, что похочешь, твори! Что мне жить? Нет ее у меня! Любы моей нету! Отнял у меня. Еще отцом называется. Зачем мне жить? Для кого? Тебе на потеху? И над мертвым натешиться успеешь!

Парфен (*грозно*). Аль ты забыл: отец я тебе еще. Коль отца на девчонку променял, то вспомни: проклясть тебя могу!

Василий. Что ж? Кляни. Кляни. Заодно уж!

Оба некоторое время вызывающим образом друг на друга смотрят.

Парфен (*первый понурил голову, негромко*). Что ж? еще на отца покричи. Вдосталь накричись.

Василий (*точно сам с собой*). Что ж теперь? На нее каждый день глядеть, да мучиться? С отцом каждый час ссориться? Нет; все с глаз долой! (*Помолчав, отцу.*) Прости, батюшка! На Москву еду. Прощенья у тебя просить надо бы, не могу теперь. После, авось умолю. (*Быстро уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Парфен (*один*). Василий! Аль вовсе уехал? Аль сына я потерял? Господи! Господи! (*По молчанию.*) Нет, нет, Парфен, добр ведь у тебя сын: так не уедет, проститься придет. А ты его не ворочай. Вернешь, простить надо. Простить -- женить. Женить -- погубить. Как горе ни тяжело, Парфен, пусть к земле пригнет, все крепись, старик, не губи сына. Не то любовь, коль послушного сына любишь, а то любовь, коль непокорного не клянешь: о том только, как спасти его, думаешь. В гроб тебя горе вгонять станет, и тут крепись. Не скоро, как умрешь, тогда, а все ж сын спасибо тебе скажет. А горько, не в силу горько тебе, поплачь, старик. Ох и тяжело ж мне, тяжело! Слезы мои, горячие слезы, что ж непрощенные с глаз бежали, теперь вас нету! Лейтесь, горячие, жгите лицо старое; только горе мое выжгите, сердце разбитое облегчите!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Поле близ дороги. Пред рассветом.
ЯВЛЕНИЕ X

Марьица и Глаша, под соснами, на песчаном бугре сидят.

Глаша. Марьица, дрожишь вся, аль зазябла?

Марьица. Знобко мне. Давно ждем. А на дворе, Глаша, тепло ведь?

Глаша. Тепло, роса студена только. Ты на колени ко мне прилегла бы, я прикрою тебя: погрейся.

Марьица (*прижалась к ней плечом к плечу*). Я вот так-то к тебе прижмусь. (*Помолчав.*) Глаша, а ведь рассвет скоро; звезды мигают; холодком, чу, потянуло.

Глаша. Сейчас и рассветет. Звезды -- ангельские очи ведь за ночь-то устали, оттого и мигают.

Марьица. Глаша, а ведь он не придет?

Глаша. Как не прийти? Сам сказывал.

Марьица. Ты его ль видеела? Его самого?

Глаша. Кого ж еще?

Марьица. Глашенька, Расскажи ж ты мне, еще раз повтори, что он тебе сказывал. Неверье одолевает меня, боюсь: уж придет ли?

Глаша. Придет. Слушай, как было. Смеркалось уж, на крыльцо я вышла, работницу кликнуть. Вижу: мимо дома ходит, на меня глянул. "Марьица", потихоньку этак окликнул. Сейчас я голос его признала, сбежала к нему. Я говорю, это Глаша; что, Василий Парфеныч, скажешь? -- "Так, говорит, и так: молил отца, слушать не хочет. Опять: пока старики в ссоре, о свадьбе думать нечего. И мне, говорит, жить тут, терзаться только. Нынче ж уеду. Вышел, говорит, Марьицу, думал, не увижу ли, проститься бы с ней. Да ты, говорит, вышла, оно и лучше, скажешь ей"... Чем же, говорю, лучше-то? тут перебила я его. "Каково нам с ней прощаться горько, о том подумай. А ты, говорит, все ей от меня скажешь. Скажи: на Москву-де твой Василий поехал, поклон тебе прислал. Одно только слово молвить велел: не кручинься, не забудет он тебя; подожди его только". Ладно, говорю. Только ей, не простившись с тобой, каково жить будет, по-

думай. И тут велела ему, сюда чтоб приходил.

Марьица. И "приду" сказал?

Глаша. Придет, уж верно.

Марьица. Глаша, что попрошу тебя: встань, погляди, не идет ли? Светать стало: видно теперь.

Глаша (*вставая*). И вот помяни мое слово: близко он. (*Отходит направо и смотрит.*)

Марьица (*сама с собой*). Говорят: ухом к земле прилечь, далече слышно. Послушаю-ка... (*Наклоняется к бугру.*) Нет, не услышать. Не придет он, не придет. Нарочно себе твердить стану, что не придет. Коль и вправду не придет, не таково горько будет. (*Приподымаясь.*) Что, Глаша, ничего не видно?

Глаша. Нету. Погоди ты; потерпи.

Марьица Я терплю. (*Шепотком.*) Не придет, не придет, не придет.

ЯВЛЕНИЕ XI

Марьица, Глаша, Василий.

Василий (*слева входит*). Марьица, ты?

Глаша. Вон она сидит. Ну, я пойду. (*Уходит направо.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Василий, Марьица.

Марьица (*вскочила и бросилась ему навстречу*).

Василий! Васенька! Голубчик мой!
Желанный мой! Пришел? Не обманул?
А я думала, ждала тебя, боялась...
Все думала: обманет!

Василий. Грех тебе.

Коль обещал,-- к тебе ли не приду?
Тебя обманывать! мою-то люблю?!..

Марьица. Что ж, едешь? Нынче же? Сейчас?

Василий. Сейчас,

И кони на дороге ждут. С отцом
Простился, и с тобой пришел...

Марьица. Со мною.

Пришел проститься? Ведь не долго, Вася,
Тебя мне видеть, ох! всего минуту!
Одну минутку, и прости навек!

Василий. Не обижай меня. Навек тебя
Любить клянусь и обещаюсь, Маша!
И заклинаюсь в том великой клятвой!..

Марьца. Нет, не клянись. Ой, не губи себя!

Век обо мне не станешь помнить, нет!
Забудешь. Скоро. Не клянись же, милый:
Как клятва на тебя падет, я буду
Винить себя, что клятву приняла.

Василий. Не бойся, любя. Я клянуся бо-
ГОМ,

Чтоб мне не знать опричь тебя жены.
С тобой я в сердце обручен, и с сердцем
К тебе моя любовь замрет навеки.

Марьца. Нет, Вася, нет! К чему про счастье думать?

Нам горе впереди, одно лишь горе;
Тяжелое, злосчастное, лихое!
О светлых днях забудь; забудь, не помни.
О Марьце своей не думать научись.
Раздумай обо мне, и легче станет;
Как не бывало... Дума искрушит,
Иссушит... Лучше обо мне раздумай!..
А я-то, я до смерти помнить буду,
И так-то жизнь моя пройдет девичья.
И рада буду, что господь послал
Тоску мне,-- есть о чем тужить и плакать.

Василий. Да мне-то как же разлюбить ве-

лишь?

Ужли навек с тобою расстаемся?

Марьяца. Навек, навек...

Василий. Того не может быть;

Ну, год пройдет, другой и третий.

А там и солнышко на нас проглянет.

Марьяца. Не говори; себя, меня не мучь.

То грезы лживые, обманный сон.

Я ничего не жду,— ох, ничего-то!..

И лучше так-то. И зачем мне счастье?

Я ль не счастливая была? Довольно

С меня, что хоть на время ты любил!

Былое стану вспоминать. Как мы с тобою

Встречались в роще, что мы говорили,

И эту вот сегодняшнюю ночь,

Как зябла я, как от росы дрожала.

Как думала: придешь ли, не придешь?

Как к мать-земле я ухом припадала,

И слушала: нейдет ли милый; сердце

Как замирало; как пришел ты. Как

С тобой прощалась, навек расставалась;

Как плакала, все это счастье, Вася,

Не горе. Нет еще. Как горе-то придет,

Уж ничего ровнешенько не будет.

Тебя не станет, и нельзя мне будет

Ни ждать тебя, на холоде дрожать,
Ни за руку тебя держать и плакать!

Василий. Послушай, Марьяца, меня хоть
малость.

Марьяца. Готова слушать.

Василий. Не горюй, надейся!

Ненадолго уеду. И еще ты слушай:

Как мне совсем уж ехать, я к отцу

Пошел проститься, помириться с ним.

Марьяца. И он тебе примолвил обеща-
нье?

Сказал: "Не торопися, обожди,

Дай сердцу моему утомониться?"

Ведь отгадала? Так ведь, Вася? так?

Василий. Наполовину только отгадала.

Про свадьбу не было меж нами речи,

А только ласково со мной простился.

И долго в очи мне глядел, потом

Махнул рукой и отвернулся... Слова

Не молвил, только видел я, что в сердце

Ему сыновнее впилося горе:

И в те поры блеснула мне надежда.

Потом опять ко мне он повернулся,

Взял за руку, заговорил,

И голос дрогнул у него: "Прости,

Прости", сказал, "я давеча обидел
Ивана с Марьицей,-- не след бы. Знаю:
Горька не только им, тебе обида:
Любовь к тебе мой разум помрачила.
Как ты уедешь, уж схожу я к ним,
Прощенья попрошу, чтоб о тебе
Не поминали лихом: "Он-де виноват,
Из-за него-де нас старик обидел".

Марьица. Неужто правда?

Это ли не счастье? Коли на мир у них...

Ах, Вася, Вася! Опомниться от вести не
могу!..

Постой: придет он к нам, уж расстараюсь,
Чтоб полюбил меня!.. Уж будь покоен...

Василий. Спасибо, Марьица. Побереги
его.

Уговори Ивано-т Силыча...

Марьица. Постой.

С чего мы веселы-то стали? Что нам!
Пусть помирятся, нам-то легче ль будет?

От мира далеко еще до свадьбы!

А мне-то, Вася, мне-то горше станет.

Как на него взгляну, сейчас припомню:
"За Васей век мне, девке, не бывать",

Забыться мне, на миг поверить счастью

Нельзя уж будет. Все ж поберегу:
Не для себя хоть, для другой невестки.
Скажу себе: "Люби его, люби,
Он Васи твоего отец любимый".

Василий. И ничему-то ты не веришь, лю-
ба!

Ну, коль не веришь батюшкину сердцу,
Коль в сердце у тебя и малой веры нету,
И коль душа твоя повита горем,
Хоть мне-то, Васе своему, поверь!
Уж для тебя на что он не решится?

Ты слушай: на Москву теперь приеду,
И деду объявлю тоску свою -- любовь,--
Пусть грамотку о том отцу напишет.

А не преклонит он отца на милость,
Уж улучу часок, уж выберу я время,
Как будет государь со мною ласков.

И в ноги упаду царю-владыке:
"Не погуби, скажу. Будь сватом!"

Марьица. Полно,
И полно, Вася! Гредишь по пустому.
Коль ты слезами умолить не мог,
Уж грамотке бумажной умолить ли?
А государь... ему ты все ль откроешь,
Расскажешь ли, как любви мы друг другу?

Нет, не посмеешь. И он грозно скажет:
"Как смеешь ты отцу не покоряться?"

Василий. Поверишь, как тебя приедут
сватать.

Марьица. Поверю ли?.. Постой, постой
вот этак:

Светло вокруг; лицо твое -- светло же,
Надеждой светел ты! Таким хочу я
Чтоб вспоминался мне! Постой же,
Не шелохнися, Вася. Дай тобою
Налюбоваться мне, в лицо твое
Вглядеться дай, пока оно светло,
Пока печаль его не одолела! (*Смотрит.*)
Видала я, как делают печати:
На воск надавят, и на нем печать
Вся обозначится,-- так четко, ясно...
Так пусть же светлое твое лицо
Мне в душу вдавится и станет в ней
На век светло, и дорого, и мило!

Быстро целует его и отворачивается.

Теперь прощай! Уйди скорее, Вася!

Василий. Нет, Марьица, с тобой так не
прощуся.

Вот перстенок, возьми, надень на ручку,
И мне дай свой... с тобой мы обручимся.

Марьица. Ведь у меня один всего, Васюта,

Другого нету: матушкин подарок.

Она дарила, дочку заклинала:

"Как с женихом пойдешь ты под венец,
На этот перстень перстнем обменяйся,
А раньше не дари: заветный перстень".

Василий. Ты мне поверь: со мною обменяйся,

И твой завет я свято сберегу.

Марьица. Ты мне подаришь перстенок;
разлюбишь,--

Другой у Васи моего найдется.

Иным с иною Вася обручится,

А у меня один, и тем мне дорог!

Василий. Коль дорог Вася, обручись же с ним.

Марьица. Я обручусь, я обручусь с тобою,
Но страшным закляну тебя заклятьем!

Тебе не страшно?

Василий. Ничего не страшно.

Марьица. Так знай же: коль меня разлюбишь ты,

Коли с иной пойдешь венчаться в цер-
КОВЬ,
Ненадолго ты Марьицу забудешь,
Опять по ней тоскою затоскуешь.
И снимешь перстенок, его забросишь,
Лишь на мизинец взглянешь, затоску-
ешь,
Опять по мне, по мне же сохнуть ста-
нешь,
И той тоски до смерти не избыть.
Коль не страшишься, обручись со мною!

Протягивает руку; он меняет перстни.

Марьица (во время обмена). Эй, Глаша,
Глаша! где ты?

Глаша (вбегает). Здесь; бегу.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Василий, Марьица, Глаша.

Марьица. Иди скорей; сюда. Стань подле.
Так вот. (Глаша становится подле.)

Марьица (целует Василья). Теперь про-
щай! прощай, мой милый!

Запятыя помни! (*Отворачваецца.*) Уходи скорей!

Василий. Еше простишь.

Марьица (*прижавшись к Глаше*). Нет, уходи. Не обернуся.

Тоски твоей глядеть не стану, нет.

Ты, Глашенька, скажи мне, как уйдет.

(*Василий отходит.*)

Марьица. Ушел ли?

Глаша. Нет еше. Остановился.

Глядит сюда. Пошел. Ушел совсем.

(*Василий уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Марьица, Глаша.

Марьица. Совсем ушел? Не стало видно?

Глаша. Да.

Марьица. Нет, погожу еше. Не то услышит. Не воротился? погляди: ушел ли?

Глаша (*идет, глядит и возвращается*). Не видно, Марьица.

Марьица (*с рыданьем бросается к ней*). Ах, Глаша, Глаша! Никогда-то мне его не видеть! Никогда, никогда-то!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дарьицына изба.
ЯВЛЕНИЕ I

Савушка за столом сидит; Дарьица его угощает.

Дарьица. Еще, Савушка, покушай. Кушай, голубчик.

Савушка. Спасибо, матушка. Сыт уж.

Дарьица. А пирожка?

Савушка. Спасибо.

Дарьица. Ин бражки бы выпил.

Савушка. Спасибо же.

Дарьица. Ой, съешь,-- прибирать стану.

Савушка. И то: приберись-ка, да про жизнь свое мне расскажи, как без меня жили.

Дарьица. Ладно. *(Начинает со стола прибирать.)*

Савушка. Давно ведь у вас не был.

Дарьица *(окончила приборку).* Про что ж тебе наперво рассказать? С чего начать?

Савушка. А как батюшка покойник заболел.

Дарьица. Слушай же. Уж с самого начала

начну. Как Василие-т Парфеныч уехал, через неделю этак, сидим мы со стариком дома -- Марьицы в те поры не случилось -- и видим: Парфен Семеныч идет, и прямо к нам. Иван так и затрясся весь. "Не пущу", кричит, "злодея к себе в дом!" Я уговаривать: не за худом же, говорю, идет. А он свое: "не пущу". И в это самое время Парфен Семеныч в дверь. В ноги ведь Ивану пал, прощенья просит. Долго нашо-т упрямылся: глядеть не хочет, меня не слушает. Наконец: "Бог", говорит, "простит, только коли хочешь, Парфен, совсем со мной помириться,-- повенчай Василья на Марьице".

Савушка. Что ж Парфен озлобился, чай?

Дарьица. В душе как, чай, не обозлиться! Только не высказал... "Спасибо", сказал, "Иван, тебе, что в обиде меня простил,-- камнем она на мне лежала, потому -- за Василья обидел -- а миру, какого просишь, век меж нами не бывать-де". И с тем словом вышел.

Савушка. И батюшка в скорости захворал?

Дарьица. Постой, не сбивай уж меня. По порядку расскажу. Что бишь? Да. Как потом

Марьица домой пришла, я ей про все и скажи. Она к отцу. "Гордец-де ты, батюшка; из-за своей гордости счастье мое порушишь". Вишь, по ее выходило: сперва-де помириться надо бы, там о свадьбе речь вести. Долго отец противился. Сам знаешь, упрям покойник был. И Оспожинки* прошли и Вздвиженье*, а так пред Покровом за неделю выходит, надо быть, надоумился. "Пойду", говорит, "к Парфену".

Савушка. По Марьицыну прошенью выходит?

Дарьица. Ну да. Покою ведь ему не давала: что день, одна все песня. Так собрался, и шапку в руки взял. Совсем ему идти, как слышим, Глашутка в сенях с кем-то стрекочет. А это Дунька, сенная, от Парфена прибегла. Уж не знаю: своей ли волей, аль подослана была. Только громко таково прокричала: "У нас-де пир, нарочный пригонил: Василий наш Парфеныч жениться изволит, на ростовской на княжне на Буйносовой; скоро и свадьба-де. Сам Царь высватал". Старик наш как стоял, шапку оземь бросил. "Вовремя", сказал, "дочку пропить собрался".*

Савушка. А Марьица что?

Дарьица. Как полотно стала. Мы раскли-
кать ее. "Неправда, неправда",-- одно твердит -
- "нарочно", говорит, "выдумывают: меня-де с
Васильем расстроить хотят". Так и не повери-
ла.

Савушка. Не поверила?

Дарьица. Нету. Уж сам наш старик к Пар-
фену ходил. "Точно-де, царь ему княжну вы-
сватал". А она все свое: "налыгают на него",
твердит.

Савушка. Когда ж поверила?

Дарьица. А как тебе сказать, с месяц ли,
поболе прошло, только раз в воскресенье со-
брался покойник в церковь, с дочкой. Глаща с
ними же. Я одна дома осталась: недужилось
мне что-то. Ну и денек же для праздника гос-
подня выдался. Вспоминать о нем без слез не
могу! *(Плачет.)*

Савушка. Уж приневолясь, матушка, рас-
скажи.

Дарьица. Для тебя только, Савушка. Гла-
ща после рассказывала. "Отпели", говорит,
"обедню, и домой мы идти думали. Только го-
ворят: молебен-де еще петть будут. Моло-

дые-де вклад сделали, так о их здоровьи молебн. Мы, говорит, с Иван Силычем, домой бы скорей, а Марьица: "Я", говорит, "останусь". Нечего делать, все остались. И только поп возгласил: "Еще помолимся о здравии болярина Василья и супруги его Параскевы", она как крикнет, и наземь пала. Умерла, думали. (Плачет.)

Савушка. Погоди маленько, после, матушка, доскажешь.

Дарьица. Ох, уж лучше сразу! Принесли ее, голубушку, домой. Глянула я: в гроб краше кладут. А Ивано-т, как несли ее, до дому без шапки шел; в церкви обронил, не спохватился. А на дворе вьюга, леденец. Надуло, знать, в голову ему,— к вечеру слег. А уж жизнь нам с Глашей пошла! Один на одной лавке лежит, стонет; на другой -- другая, ничего не слышит.

Савушка. И долго батюшка пролежал?

Дарьица. Нет, недели с две. Пред концом ему полегчало будто. Позвал меня. "Отхожу", говорит, "за попом сбегай". Исповедался. "А Марьица где?" спрашивает. "Благословить-де ее хочу". Что сказать, Савушка, не знаем, что ответить! "Аль умерла" опять, по времени,

спрашивает. Нету, говорим. Ведь вспомнил, как она в церкви пала. "Подведите", говорит, "меня к ней". Уж через великую силу подвели: благословил. В вечеру его, голубчика, отсоборовали, а в ночь тишать стал, и к утру совсем затих.

Савушка. Царство небесное!-- И Марьица долго еще лежала?

Дарьица. Довольно еще. Шесть недель всего вылежала. Нет, Савушка, каково мне в те поры было! Муж на столе лежит; дочку, думаю, не нынче, завтра на стол же положу.

Савушка. Как же она очнулась?

Дарьица. А сидим мы с Глашей, сумерничаем, лампадка у нас засвечена горит; она слово скажет, я другое, и заплачем обе. Вдруг слышим: позвал кто-то, тихо таково, и опять позвал. Она очнулась, значит. Уж и возрадовались мы! И плачем, и смеемся. И с того вечера все ей лучше и лучше. На девятый день встала. Тут Парфен Семенычу спасибо: помог мне, старой. После лежанья, скажу тебе, Савушка, таково много есть она стала,-- не напаешься. Что ж? со своего ведь стола каждый день ей кушанье посылывал. Дай бог ему здо-

ровья! Добр ведь, только гордей.

Савушка. А с Иван Силычем после того раза не виделись они?

Дарьица. Как же! забыла сказать тебе. Приходил все о здоровьи наведываться. И как ему кончатся, тож пришел, всю ночь с нами просидел. И хоронить помогал.

Савушка. А теперь к вам каков?

Дарьица. Добр же. Заходит, хотя и не часто; сам заходит. "Не надо ль, чего старуха?" спрашивает. И помогает. Только время такое больше выбирает, как Марьицы нету. Известно, что там не говори, а виноват пред нею: чувствует. *(Отирая слезы.)* Вот и все тебе, Савушка, рассказала.-- Ты каково без нас жил?

Савушка. Ничего, помаленьку.

Дарьица. К нам надолго ли завернул?

Савушка. А не знаю. Марьицу вот повижу.

Дарьица. Аль дело какое?

Савушка. От тебя что таиться, матушка. Дело-т старое, прежнее.-- Только скажи ты мне наперед, истинную правду скажи: о Василье Марьица когда вспоминает ли?

Дарьица. А вот хоть побожиться, как

встала, хоть бы раз помянула. Раз как-то Глашутка про него обмолвилась. "Ты про кого это?" Марьица, значит, спрашивает. Глаша видит: сдуrowала, а нечего делать, отвечай. "Про Василья", говорит. "Никакого я Василья не знаю", ответила. "Как не знаешь?" у Глашутки, знаешь, сорвалось этак. "Может-де и знала, да забыла, и ты не вспоминай!" И замолчала. С той поры и мы вспоминать остерегаемся.

Савушка. Спасибо, матушка; теперь еще ответь: тогда противилась, теперь благословишь ли?

Дарьица. И, что ты, Савушка. Где же противилась! Так это, сдуrow говорила. Тещи ведь ломливые, и я поломалась бы, да благословила.

Савушка. А противности твоей теперь ко мне нету,— и на том тебе, матушка, благодарствую.

Дарьица. Что ты, Савушка! Уж не стыди меня! *(Целует его.)* Ах ты, голубчик мой! Вот уж правда: коли добр человек, до конца добр останется. И ты таков же.— Стой, ай Марьица пришла? Вот и поговорим. Сам что ль ска-

жешь?

Савушка. Как встретит,-- погляжу.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Парфен.

Дарьца. Вот дочку ждала, ан ты это, Парфен Семеныч. Каков, государь, в своем здоровьи?

Парфен. Спасибо. А ведь я, старуха, браниться с тобой пришел.

Дарьца. Чем, государь, прогневила?

Парфен. А тем: крыша у тебя на черной избе худая, ведь телят поморозишь. Что ж мне не сказала?

Дарьца. А не смела, государь.

Парфен. За несмелость и браню тебя. Опять: дров у меня зачем не берешь? На исходе ведь дрова у тебя, скупиться уж начала, а у меня край непочатой. Как же не бранить тебя?

Дарьца. И кто тебе про нужды мои, государь, рассказывает?

Парфен. Ты спроси: кто о нуждах чужих спрашивать научил -- отвечу: горе меня на-

учило. Поколь горя не знал, о себе только думал. И за горе иное считал, ан выходит не горе -- гордость меня одолевала. А как настоящее-то горе сердце пробило, не гордыми, горькими слезами плакать заставило,-- тут о чужих нуждах думать научился.-- Да что!.. Ты работника за дровами прислать не забудь.

Дарьица. Уж забуду ли, государь!

Парфен. А тебя, паренек, прости, не приметил. *(Дарьице.)* Савушка ведь. Абрамов брат двоюродный?

Дарьица. Он, государь.

Парфен. Ты, что ль, на Марьице летось жениться хотел?

Савушка. Я, государь.

Дарьица. В те поры я, дура, заупрямилась. А ведь не попомнил, государь -- добр парень,-- опять сватается.

Парфен. В добрый час начать, в добрый час. Марьица всякому под пару будет. Всякому. *(Задумывается.)*

Дарьица *(о чем-то с Савушкой пошепталась, потом вслух).* Да нет же, попрошу.

Савушка. Погоди хоть Марьицына прихода.

Парфен. О чем заспорили?

Дарьица. О тебе, государь, спор. О доброте твоей. Корил ты меня, государь, сейчас; не смела-де старуха, просить не смеет. А я вот смелость свою докажу, просить тебя, государь, буду. Поглядим, откажешь ли?

Парфен. О чем просьба?

Дарьица. А дочку у меня снарядить хоть есть кому, благословить некому,-- уж будь, государь, милостив: сядь ей в отцово место, будь отцом посаженным, благослови ее.

Парфен. Ты, молодец, что скажешь?

Савушка. И я, Парфен Семеныч, просил бы тебя, государь,-- да ведь заспешилась матушка: Марьица у нас не спрошена еще.

Парфен. Ладно. Коль согласна Марьица будет,-- приходите, не откажу.-- А я, старуха, спросить тебя забыл: приданое дочке сготовила ли?

Дарьица. Какое у нас, государь, приданое?

Парфен. Забывчива, старуха, стала. Должен ведь я тебе: роцца дубовая приданое твое, я ведь на сруб ее у тебя купил, деньги досель не заплачены. Вот на приданое и пригодятся.

Дарьица. Отец ты наш! Уж как благодарить тебя!

Парфен. Не за что, старуха: твое же тебе отдаю. А уж свадьбу, не погневись, у себя, старуха справлю: просторнее. Такой-то пир заварим, на весь мир.

Дарьица. У сынка своего не удалось тебе, государь, на свадьбе, попировать,-- что ж, у дочки моей попируешь.

Парфен (*смутился*). У сынка? у сынка... Ну, ладно: домой мне пора; ужо, с Марьицей как сладитесь, ко мне приходите. Столкнемся. Ну, прощайте затем. (*Уходит; его провожают.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Савушка, Дарьица.

Савушка. И-и, матушка! для чего ж ты про сына ему напомнила?.. Окручинила старика.

Дарьица. Уж спохватилась, голубчик, да поздно. Да что ж, большой беды нету: сказалось, так сказалось.

Савушка. А бают: не ладно Василий с же-

ной живет. Мне Парфен Семенычев приказчик сказывал.

Дарьица. Ну, мне про это где ж знать было.

Савушка. Уж еще позволь, матушка, выговорить: без Марьицына согласия зачем его в посаженные звала?

Дарьица. А что ж из того будет?

Савушка. Сама же сказывала: Парфен Семеныч больше заходит, как Марьицы дома нету. Может, и Марьице на него невесело глядеть.

Дарьица. Уж в чем недогадлива, недогадлива: винюсь.

ЯВЛЕНИЕ IV

Савушка, Дарьица, Глаша, Марьица.

Глаша. Вот и мы.-- Марьица, глянь-кось, какой гость сидит. *(Идет сама к Дарьице. Марьица идет к Савушке, он к ней, и они становятся по другую от Дарьицы с Глашей сторону сцены.)*

Марьица. Савушка, ты! Уж как рада я тебе. Не забыл? Давно, надолго ли?

Савушка. Уж забуду ли тебя! Что тогда-то говорил,— вспомни. Обещал не забыть и не забыть. *(Говорит тихо с Марьицей.)*

Глаша *(Дарьице; до того они тихо говорили).* И слава богу.

Дарьица. Где ж вы до сей поры были?

Глаша. А от обедни дьячиха зазвала. Уж так-то умоляла. Приходим, а у нее кто же, отгадай.

Дарьица. Уж не знаю.

Глаша. А сам Живуля. У них подстроено было, верно. Ведь свататься на мне хочет. Уж я ж его!

Дарьица. Что ты! *(Продолжают говорить тихо; потом слушают разговор Савушки с Марьицей.)*

Савушка. Я-то все помню; ты, Марьица, не забыла ли?

Марьица. Забудь я тебя, разве, как увидела, обрадовалась бы? А уж рада ли, сам видишь, Савушка.

Савушка. А у нас, Марьица, про тебя с матушкой сейчас разговор был.

Марьица. Что же разговаривали?

Савушка. А я ведь про свое, все про ста-

рое. Помнишь, сказала мне: "Я бы с радостью, да матушке ты не угоден". А теперь,-- теперь матушка, дал бог, благословить согласна. Ты что скажешь?

Марьица. Савушка! Да нешто?

Савушка. Я что сказал, от слова своего не отпираюсь.

Марьица. Да нешто, что без тебя было, про то не слыхал? Поди, на меня тебе невесть что наговорили.

Савушка. Ничего не слыхал, не знаю. И ты мне не сказывай. А как батюшка покойник к Покрову приходит велел, а я не пришел,-- и в том виноват. Не погневись, что оплошал, теперь дай согласие.

Марьица. Уж как же ты добр-то, Савушка. Добрей тебя человек есть ли?

Савушка. И доброты моей никакой нету. А отложили мы за матушкиным несогласьем. А теперь ты не упрямясь, не печаль меня.

Марьица. Уж что мне сказать, не знаю.

Дарьица (подходя). Согласись, Марьица. Меня, горькую, порадууй.

Савушка. Ты, матушка, не мешайся. Не твое дело, наше. Что ж, Марьица?

Марьца. Ох, Савушка, боюсь: тебя не стою.

Савушка. О том, стоишь ли, нет, не тебе, мне судить. А ты только согласие скажи.

Марьца. Согласна уж.

Савушка. Матушка, теперь твое дело. Благославляй дочку-то.

Дарьца. Господь вас благословит.

Марьца (*по благословению, отводит Савушку в сторону*). Савушка, поди сюда, еще что скажу. Помнишь, тогда-то, в Петров день, корил меня, будто не так, не по-твоему тебя люблю я. А теперь, кажись, за доброту за твою, по-твоему любить стану.

Савушка. Вот уж обрадовала меня!

Дарьца. А мы, Марьца, без тебя и в отцы посаженные выбрали.

Марьца. Кого, матушка?

Савушка (*поспешно*). Не решенное дело еще; тебе как покажется.

Дарьца. А Парфен Семеныча.

Марьца. Парфен Семеныча? Что ж, ладно. К батюшке он добр был, и к тебе добр же. Я согласна.

Савушка. Гляди, Марьца, тебе не тяже-

ло ли будет?

Марьица. А что ж он мне? Чем страшен? Я ведь теперь прежняя Марьица; какой до Петрова дни была, такой стала.

Дарьица. И откладывать нечего: сейчас к нему пойдем. Приходить, коли согласна, приказал.

Марьица (*собирается*). Пойдем, пойдем.

Глаша (*подошла к ней*). Постой, чтой-то и поцеловать себя мне не велишь! Что замуж идешь, заспесивилась. Ну, Савушка, совет вам да любовь... (*Целует Марьицу.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же; Живуля, в шубе, из двери выглянул, и как Глаше Марьицу целовать, он заговорил.

Живуля (*из-за дверей выглядывает*). Глафира Юрьевна.

Дарьица. Глаша, слышь, тебя кличет кто-то.

Глаша (*оглянулась*). Кто там?

Живуля (*так же*). Аль не время?

Дарьица (*увидала его*). Да это ты, проклятый. Вон пошел.

Живуля. Не к тебе, Дарья Карповна.

Глаша. Вы идите; я его, проклятого, сама погоню. Еще веселей ждать вас будет. (*Голова Живули скрывается.*)

Савушка. И то, матушка, пойдем. А потом мы с тобой в церковь: молебен отслужим.

Уходят: Дарьица, Марьица, Савушка; тотчас после их ухода Живуля входит. Он теперь без шубы.

ЯВЛЕНИЕ VI

Живуля, Глаша.

Глаша. Ты по какой же это дорожке пришел? У дьячихи сказано -- не смел бы.

Живуля. Слышал, да не смог. Полюбил,-- от того. Духом не смел, сами ноги сюда приволокли.

Глаша. Уж и полюбил?

Живуля. Как же нет. Хоть сейчас возьми: дьячихе, чтоб тебя на пир позвала, рубль дал, поклоны не в счет. Целый ведь рубль взяла -- загребущие ее руки! Опять: пирог из моей же муки печен; начинка моя же. Не любил, не стал бы. И для чего все? Чтоб повидать тебя. А

знал ведь: ругать меня будешь. Это ль не любовь есть? Какой же тебе еще надобно?

Глаша. На целый рубль полюбил! Ай, девка! разорила подьячего. Сюда зачем же пришел?

Живуля. Как у дьячихи ругала ты меня,— подумал, и сюда пошел. Чтоб сразу уж. Судьбу, значит, решить: пан или пропал?

Глаша. Ты, что ж, сватаешься?

Живуля. Точно.

Глаша. Что ж сватов не присылал, сам пришел?

Живуля. Сватов прогонишь...

Глаша. И тебя прогоню.

Живуля. Самому все лучше: виднее. Реши ты меня!

Глаша. Изволь: вот бог, вот порог.

Живуля. За что же?

Глаша. За то: зарок моего не сдержал, Парфен Семенычу наябедничал.

Живуля. Как бог свят, сдержал. Ни слова не промолвил: самого спроси. Еще тебя выгораживал. А только в том моя вина: при том был. Хоть и молчал, лицом своим окаянным поддакивал.

Глаша. Все одно.

Живуля. Ты зарекала: слова не молвить бы, про лицо ничего не заказывала. Я и разрешил, лицу то есть.

Глаша. Вдругорядь меня спрашивайся.

Живуля. И буду. Весь век буду, только теперь согласишь. А там вольна со мной что хочешь делать: под башмак меня кинь, век пролежу. Бей-топчи, не шелохнись.

Глаша. Под башмаком лежать будешь, за пятку, боюсь, укусишь.

Живуля. И, что ты!

Глаша. Тебе этого не скажи, опять божиться станешь, на счет-де кусанья уговора не было.

Живуля. И ни в жисть! И ту-то поруху, прежнюю, выкуп иль малость пред тобой согрешил, с Пелепёлихи выкуп взял.

Глаша. За свой же грех, да с других выкуп!

Живуля. Для тебя же. Ты добыть велела.

Глаша. Ничего не приказывала.

Живуля. А в Петров день. Поцеловать просил. Сережки -- изумруд да яхонт -- добыть велела, за них поцеловать хотела. Вот они.

(Показывает.)

Глаша. Покажи-ка. В руки дай.

Живуля. Не отынешь?

Глаша. Ишь, подъячая душа! Жениться хочешь, а боишься, что украду.

Живуля. Даром давать зачем же. Ну, да тебе верю: возьми, полюбуйся.

Глаша *(взяла).* Хороши. Уж как хороши-то! Жаль, Марьицы нету, а то на нее надеть бы, полюбоваться.

Живуля. А ты мне дай. Я окол ухов подержу, а ты посмотришь.

Глаша. Ну! *(Отдала ему серьги.)*

Живуля *(держит серьги у ушей).* Гляди, а я помотаю. Шибче горели бы, *(Исполняет.)* Что ж, хороши?

Глаша *(любуется).* Уж как хороши-то! За поцелуй подаришь?

Живуля. Накинь маленько.

Глаша. Ну, за три.

Живуля. Чтоб моей, на всю жизнь, стала.

Глаша. Много хочешь. За три -- изволь.

Живуля *(играет серьгами).* А погляди, как горят-то. Что, хороши? Твои ведь будут. Навек.

Глаша. Хороши-то, хороши. Только все ж за тебя не пойду.

Живуля. Ты взглядишь в них хорошенько.

Глаша. Слушай, не выйду я за тебя,— на что тебе серьги? что делать с ними станешь?

Живуля. Ты спроси, с собой что сотворю, коль за меня не пойдешь.

Глаша. Что же?

Живуля. Утоплюсь.

Глаша. А утопишься,— на что тебе серьги? Лучше мне оставь. По крайности, утопать будешь, вспомнишь, каково сладко тебя целовала... Веселей тонуть будет. Ты подумай. Я погжу. Слышь еще: не три, десять раз поцелую. Целых десять. Думай же. *(Небольшое молчание, в течение которого входит Марьица.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Живуля, Марьица, Глаша.

Глаша. Вернулась уж? Что скоро? Аль в церковь не пошла?

Марьица. Притомилась что-то. И опомниться, Глаша, не могу: скоро все так сделалось. Садись-ка, поговорим еще.

Глаша. Сейчас. Что ж, Живуля, надумал-

ся?

Живуля. Надумался. В последний раз спрашиваю: идешь ли за меня?

Глаша. Нету. Давно, слышь, уговор у нас был: коль Марьица за Савушку, я за Абрама. Теперь за Абрама, выходит. Прощай.

Живуля. Прощай. Лихом не поминай.

Глаша. Аль утопишься?

Живуля. В прорубь головой.

Глаша. А серьги? Что ж, за десяток идет?

Живуля. Серьги? Так на же, вот они, подавись! *(Кидает ей к ногам и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Марьица, Глаша.

Глаша *(ему вслед).* Ишь шустрый какой!

Марьица. И какая ж ты, Глаша, бесстрашная! Сохрани бог, руки на себя наложит,-- ведь на тебе грех.

Глаша. Думаешь вправду топиться пошел? Полно! В сенях стоит, шубу надевает, сам подслушивает: не про него ль говорят? Не вернуть ли его? Вот хоть посмотреть,-- правда. *(Идет к дверям; из дверей Живуля выгля-*

дывает в шубе.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Марьица, Глаша, Живуля.

Глаша. Вот и он!-- Аль забыл что?

Живуля. Сережки не тут ли обронил?

Глаша. Где пали, лежат.

Живуля (*поднимая серьги*). Так не хочешь?

Глаша. Пошел.

Живуля. А ладно бы. Шубу еще лисью тебе сшил бы. Право. (*Поднял.*)

Глаша. Говорят: проваливай.

Живуля (*в дверях*). О-ох! И поцеловал бы, да серьги больно дороги.-- Ну, черт с тобой куда! Я погожу: авось у вас дело опять врозь, тогда приду. Не уйти уж тебе от меня! (*Уходит.*)

Глаша (*вслед ему*). Типун тебе на язык, проклятый!

ЯВЛЕНИЕ X

Марьица, Глаша.

Глаша. Рассердил даже.

Марьица. Брось его. Сядь, потолкуем. Ишь и смеркается уж. Не велики дни еще.

Глаша (села). Ладно, Что ж, Марьица, рада ты, что за Савушку идешь?

Марьица. Как тебе сказать? Чтоб веселье мне было большое,— этого нет. А тихо во мне стало; затишала я вся. Добр ведь Савушка, любить меня будет. Смирно жить станем.

Глаша. А скучать я не дам. Вместе жить станем?

Марьица. Вместе. И матушка чтоб с нами же. И венчаться вместе.

Глаша. Ну, это шалишь. Мы с Абрамом сперва у вас повеселимся, а там наше веселье придет. И пир же у нас будет,— вплоть до масленицы. А на масленой -- опять беситься, пока пост великий с клюкой не придет, в церковь, богу молиться, не погонит.

Марьица. А я думаю, замужем лучше. Что так-то жить? Тоска одна. Ну, и он узнает,— пусть ему! А то, чай, думает: досель девка по мне сохнет. А тут увидит: совсем забыла.

Глаша. Ох, Марьица, боюсь, не забывала ты его, всегда помнишь, только нам молчать

велишь. *(Маленькое молчанье, затем стук в окно.)* Аль под окном кто колотится? *(Подымая окно.)* Кто там?

Голос *(под окном)*. Странный. Пустите ночевать.

Глаша. Пустить что ли?

Марьица. Чего же не пустить? Савушка придет, не одни мы.

Глаша *(в окно)*. Ты один?

Голос. Один.

Глаша. Старый?

Голос. Древний.

Глаша. Что ж, старика пустим. Иди на крыльцо, а там в сени.

ЯВЛЕНИЕ XI

Марьица; Глаша, вскоре Василий.

Глаша. Кого бог дает? *(Входит Василий.)*

Василий. Здорово, Марьица. Ждала ли видеть?

Марьица. Василий! Васенька!... Ох, что я! что я! Никак ополоумела совсем...

Прости уж, государь! Как звать забыла, Как величать по отчеству не помню.

Негаданно, нечаянно вошел...

Воротами, должно быть, обозначился:

К жене хотел, к нам ноги занесли.

Василий. С тобою говорить пришел. Скажи,

Чтоб Глаша вышла.

Марьица. Что ж, Глаша, выйди.

Я не боюсь его, не испугалась;

Одной не страшно.— Глашенька, поди.

(Глаша уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XII

Марьица, Василий.

Марьица. Зачем пришел?

Василий. Пришел я за тобою. Иди за мной.

Марьица. Перекрестись, опомнись.

К кому зашел? Кого вести задумал?

Ведь не с женою в тереме бранишься.

Василий. Что о жене толкуешь? Нет же ны,

И не бывало у меня.

Марьица. Венчался с кем же?

Василий. Эх, Марьица, дай слово мне ска-

зять:

Обвенчан я,-- да тем лишь и женат.
Как заклела меня ты, чтоб любил,--
Люблю тебя,-- тоскую, сохну.

Жену постылую навеки бросил,
Сам крадучись приехал. Станом
В лесу стою,-- не у отца в хоромах.

Марьица. Что ты толкуешь мне? Аль де-
ло

Какое есть мне до тебя? Женат ли?
Холост, вдов ли,-- все-то мне равно.
Не знаю я тебя, поди ты прочь!
Как на глаза посмел мне показаться?
Иль мало вынесла из-за тебя?
Чего ж еще? Чего еще ты хочешь?

Василий. Мне без тебя не жить. Уж коль
я бросил

Жену, себя под царский гнев подвел,
Сюда приехал, чтоб решила ты:

Быть живу мне, аль нет,-- ужли не ве-
ришь,

Что я тебя люблю? И ты ль забыла!
Не верю я. Того не может быть!

Марьица. Ты горем одарил меня, слезами
Пожаловал, отца убил печалью --

Так уж забуду ли тебя, злодея?
Нет, помнить буду. Только что досель
Тебя не вспоминала, не кляла;
С сего дня клясть начну, начну молиться,
Чтоб всякой карой покарал господь
Тебя, злодея!

Василий. Выслушай сперва,
А там кляни, убей, что хочешь делай!

Марьица. Послушаю, как станешь ты
хвалиться:

Мол хороша жена и крепко любит!
Не знает, лих, со мной как целовался,
Как ты на мне жениться обещал,
Уж полюбила б, ночью задушила!

Василий. Ты все женой коришь! Сказал,
какая

Она жена мне,-- по названью только.
Я на нее глядеть-то не глядел,
С ней слова, почитай, не молвил,
Она же -- в голос говорят -- собою
И пригожа, и косы до земли, и очи!..

Марьица. Ты, что ж, и впрямь задумал
хвастать?

Василий. Не хвастаю; затем я говорю,
Чтоб знала, как тебя люблю,-- ведь ею,

Красавицей такою, не прельстился.
Заговорить хочу -- твой голос слышу.
Поцеловать,-- на перстенок взгляну,
Твое заклятье душу одолеет.

Марьица. Зачем женился ты? Ужли за-
тем,

Чтобы меня тоскою dokonать?
Как потоскует-де, сильней полюбит,
А без тоски, того гляди, забудет?

Василий. Зачем женился? Ты спросила б
лучше,

Как обвенчали-то! Приехал
Я на Москву, живу себе, тоскую.
Ран говорят: чтоб шел к царю, зовет-де.
Пошел. Сам думаю: коль ласков будет
Со мною государь -- во всем откроюсь.
И точно, ласков был со мной! Сам сватал.
И не простую -- княжеского рода --
Князей старинных, именитых внуку:
Буйносовых-Ростовских Параскеву.
Я было слово,-- на меня как крикнет,
Ногами топает, бранит, страшает:
"На Соловки, на всю-де жизнь упрячу.
Уж знаю-де: против отцовской воли
Идти ты хочешь! "Чти отца" забыл!" --

Уж знамо, батюшка со старым князем,
С моим-то тестем, дорогим, любезным,
Списались: царю натолковали.

Что было делать? Вышел, как убитый!

А тут меня гурьбою поздравляют:

"И-ах какую-де невесту сватал!

Знать любит государь тебя, Василий".--

Куда пошел я, с кем, сам шел ли,

Аль повели, не помню ничего.

Так думаю, что тесть ко мне приставил,

Заместо рындов, родичей своих.

Они меня, слышь, как царя хранили,

За мной ходили, допьяна поили,

Должно, недели с две, до помраченья...

Ох, батюшка! спасибо уж тебе:

Сумел сынка женить!

Марьица. Что ж дальше было?

Василий. А дальше уж не помню. Думно:

Не забыдушим ли поили зельем?

Со страху ли перед царевым словом,

С похмелья ли, аль разума в ту пору

Решился я, аль связанным венчали,--

Не спрашивай, не помню ничего.

Опомнился -- обвенчан. Ну, и жизнь же

Пошла! Жена-то плачет: мне ее

И жалко-то -- она чем виновата?--

И видеть не могу ее, разлуку,

И тесть-то с тещей надоели мне:

Сперва грозили, там пошли просить,

Чтоб с дочкой, как с женою жил. Не смог,

Не вынес их печали и доуки,

Бежал. Сперва -- куда глаза глядят,

А там раздумался: одна мила на свете

Мне Марьица. Поеду к ней, скажу:

"Пришел тобой владеть,-- иди за мною".

Марьица. Вот уж спасибо: вспомнил обо мне,

Такое-то спасибо -- до земли!

Василий. Уж ведал я: простит меня голубка,

Уж знал: пойдет со мной; мне рада будет!

Марьица. Ну, как не рада! -- Одурел боярин,

Жену покинул, ищет: нет ли дуры,

Чтоб в любовницы к нему пошла.

Как не пойти! Как радой мне не быть!

Честь велика, и отказаться грех.

Василий. Что ж, издевайся, смейся надо мною!

Того достоин, виноват кругом!

Мне от жены бежать бы до венчанья,
И убежал бы,-- не пустили лих.
За то, что мучали из-за тебя,
За то, что силой обвенчали,-- смейся!
Посмейся надо мной, да хорошенько!
Другой бы позабыл тебя, с женою
Стал жить,-- а ты тут пропадай! -- Небось,
Над тем смеяться бы не стала, нет!
По нем бы плакала, по нем бы горевала!
А надо мною, дураком, посмейся!

Марьица. И посмеюсь. Уж вдоволь на-
смеюсь,

Все слезы высмею, над горем стану
С издевкой да попреком хохотать!
Теперь не веселиться мне, когда же?
Теперь ты мой, в моих теперь руках!
А раньше что! -- жениться поманил,
Чуть отвернулась, и от рук отбился.
Коль не теперь, когда ж повеселиться?
Когда мне отсмеять твою насмешку?
Разжалобил меня своей ты речью,
Ох, до смеху разжалобил! Ха, ха!
И удержаться не могу. Ха, ха!
Пожаловал: мол в жены не годна,
За любовницу сойдет. Ха, ха!

Василий. Опомнись, Марьица! Господь с тобою!

Смотреть-то страшно на тебя!

Марьица. Ха, ха!

Теперь страшна, а прежде любой звал?

Теперь страшна, а прежде целовал?

Теперь я полюбовница. Ха, ха!

Василий. Не подрывай мне сердца. Слушай:

Уйдем отсель, навеки, навсегда!

Уедем на Литву -- там обвенчаюсь,

Там на тебе, на любушке, женюсь.

Марьица. Уморушка! Как, от живой жены-то?

Василий. Оттоль я к тестю грамоту пошлю:

"Уехал, государь,-- навек, не жди!"

А князю-тестю не житье без зятя,

Меня он взял на то, что государь

В любви держал -- такого же найдет,

Еще получше и доволен будет.

Со мной Прасковью живо развенчают,

С другим таким же повенчают живо.

Опять я вольный сокол.

Марьица. И тогда

Со мною повенчаешься?

Василий. С тобою;

С тобою. Что ж, любушка, бежим?

Сейчас бежим?

Марьица. Бежим, бежим. Сейчас же.

С тобой ли я не побегу?

Василий. Голубка!

Желанная моя!

Марьица. Не подходи.

Поди ты прочь! Не смей! Не подступайся.

Нет, Васенька! Нет, мил-сердечный друг!

Нет, мой желанный, дорогой, пригожий!

Будь на твоём я месте,-- не сказала б,

Таких речей и самой подлой девке!

Как мне тебе поверовать, скажи ты!

А на Литве опять кого увидишь,

Король ли, князь какой, аль пан вель-
МОЖНЫЙ

Тебе на дочке повелит жениться,--

Тогда опять ко мне бежать, да сказки

Рассказывать мне станешь, как тебя

Поили допьяна, сладьми кормили,

И как ребенка малого учили:

"Будь, Вася, пай! Женися на княжне!" --

Нет, выбери себе иную дуру,

Уж я над ней нахохочусь довольно,
А над собою мне смеяться полно!

Василий. Так не идешь?

Марьица. Перекрестись, опомнись!

Будь, Вася, пай: ступай к жене, в Москву.

Василий. В последний раз я спрашиваю,

Марья.

Со мной идешь ли?

Марьица. Силой, что ль, возьмешь?

Так не боюсь. Каков ты силен,

Уж видела, как ты с княжной венчался.

Василий. Гляди же, на меня ты не пеняй!

Твою издевку я тебе припомню! Прощай

покуда...

До твоей до свадьбы!.. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

Марьица *(одна).*

Ушел! Ушел? Ох, господи-владыко!

Что с ним-то, с сердцем-то моим,

Что случилось?

Ох, ох! Люблю его, люблю, люблю!

Проклятая! зачем его ты любишь?

Хоть и браню себя, а все ж люблю.

Скорей с другим, скорее повенчайте!
Скорей над ним мне дайте посмеяться!
Пусть под венцом меня посмотрит Вася!
Ха, ха! Как весело смотреть-то будет! Ха,

ха!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

У Коркина. Вечер. Все приготовлено к девишнику. Накрыто несколько столов. Трое дверей.

ЯВЛЕНИЕ I

Дунька, девушки.

Дунька. Каков девишник Парфен Семеныч затеял, хоть бы дочь родную выдавать!

Первая девушка. Ну, она ему дочь не дочь, а по сыну все сродни, бают, приходится.

Дунька. Ври еще тута.

Первая девушка. Не я, люди говорят. По-спрошай-ка, как по ночам к нему в рощу бежала? Счастье ее, что Савушка выискался!

Вторая девушка. Прост очень -- оттого берет.

Дунька *(на вторую девушку)*. И врите вы обе! Ничего того не было.

Вторая девушка. Я разве спорю?

Первая девушка. И как это, девушки, богатым хорошо быть! Вздумал свадьбу играть, хоть дочери нет, в отцы посаженные к кому по-

шел, и мигом все готово, по щучьему велению. Веселись себе и других весели.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Глаша входит слева.

Глаша. Все ль готово?

Дунька. Все, Глаша, готово. Что ж невесту не ведут?

Глаша. Сейчас с матерью выйдет. Парфен Семеныч не выходил еще?

Дунька. Нету. Да поди сюда, Глашица, к сторонке, что скажу

Глаша. Что такое? *(Отходит к стороне.)*

Дунька. Дворецкий сказывал: нынче ночью с Москвы гонец пригонил,-- ведь Василий Парфеныч пропал у нас.

Глаша. Как пропал?

Дунька. Все с женой неладно жил, и пропал. Бросил ее, куда неизвестно скрылся. Думают: руку на себя не наложил ли.

Глаша. Найдется.

Дунька. Парфено-т Семеныч всю ночь, говорят, простонал -- не спал, до свету богу молился. Только горя показать не хочет, а то де-

вишнику сегодня не быть бы.

Первая девушка. Невесту ведут.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, слева: Марьица, Дарьица.

Глаша (*указывая места*). Сюда, Марьица, садись. А ты, матушка, здесь. Где ж отец посаженный? Ну, придет еще. Давайте, девушки, покуда песен поиграем, а матушка поголосит, по дочке поплачет.

Девушки. Ладно. (*За сценой колокольцы.*)

Дунька. Глаша, колокольцы, слышь. Ведь жених это. И песен поиграть не успеем!

Глаша. А все Абрамка треклятый! Хва-лился: соколом-де, внезапно налечу,— так и есть. Ишь, без выкупа войти хочет!

Вторая девушка. У вас ворота заперты ли?

Дунька. Где! Думали: рано еще. Глашица, побежим.

Глаша. Чего бежать! Пусть думает: зевадали, а мы дверь эту запрем,— все равно выкуп возьмем.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Парфен справа.

Дарьица. Вот и Парфен Семеныч пожаловал. Милости просим.

Парфен. Вы смотрите, у вас сват без выкупа в двери не вломился бы.

Глаша. Не пустим, государь.

Глаша. Не пустим, государь.

Дунька (*выглянула в дверь*). Ой, по лестнице бегут, ой!

Глаша (*бежит к дверям*). Живей, девушки, живей. Навались всей гурьбой на дверь. Ну, на запор! живей! (*Общая суматоха; двери заперли.*)

Вторая девушка. Ай, Глаша, успела-таки!

Глаша. Что, проклятый, вошел? Теперь я с тобой поторгуюсь еще. По местам, девушки. (*Девушки садятся за стол.*) Тихо!.. Подходят. Подошли. (*В дверь кто-то ткнулся.*) Что, обжегся? Думал: не успели-де!

Дарьица. Ох, доченька! и поплакать-то не успела над тобою! Ох!..

Парфен. Поздно уж теперь, Дарья Карповна, плакать: не мешай. Послушаем, каково

торг пойдет. *(Стук в двери.)*

Абрам *(за дверьми)*. Эй, отвори, хозяин!

Глаша. Что больно стучите! Батюшка у меня глух,-- услышит еще, осердится. Кто там колотится?

Абрам. Отвори. Мороз на дворе, зазябли,

Глаша. Так мы всякого и пустили! Дорога у нас битая, всякого народу пропасть шляется. Вы кто же будете?

Абрам. Охотнички. Ездили ловить лисиц, куниц, перепёлушек. красных девушек.

Глаша. Здесь вам кого ж надобно?

Абрам. Показалось нам, повиделось: что ни есть лучшая лисица, красная девица, в ваши ворота юркнула, на двор стрекнула, в новысок терем вбежала, там застряла.

Глаша. Хорошо ль глядели? Точно, видели и мы, бежала-то такая, да не к нам, на соседский двор: туда подите, пустого в пороженем поищите.

Абрам. Не проглядим мы -- глаза у нас зорки, глядели же с горки,-- видно далече: точно сюда пробежала.

Глаша. Ау нас найдете, много ль выкупа дадите?

Абрам. Дадим сорок куниц, два сорока чернобурых лисиц.

Глаша. Ох, купец, на словах тароват, на карман пустоват. Отсель в щелку вижу: шуба у тебя плохая, того хуже сшита, ветром подбита, под шубой кафтан, весь по ниточке сбран.

Абрам. На меня не гляди, князь стоит позади, деньгой гремит, дорогой шубой шумит; ворота золотым ключом отпирает, калитки серебряным отмыкает.

Глаша. Разве на князя вашего надёжа. Только избу не даром же студить, просишься на постой, за рублем не стой.

Абрам. Просунь ручку: позолочу.

Глаша. Да еще забыла: изба да тепло наши, еда да питье -- ваши.

Абрам. Есть у нас поваров со сто молодых. Еды и питья довольно.

Глаша (*притворяя дверь*). Давай за постой. (*Протягивает руку, получает и смотрит.*) Ай да князь молодой! Ин, милости просим. (*Отворяет двери.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Абрам, с ним человека два-три.

Абрам (*осматриваясь*). А кто тут хозяин?

Парфен (*встает и кланяется*). Я, государь, хозяин. Чего изволишь?

Абрам. Что ж на постояй пустил, статья сесть некуда.

Парфен. С кем, государь, торговался, с того и спрашивай.

Абрам. Что за народ за столом сидит? Ступайте вон. Ну, вам говорят!

Глаша. Не больно шуми, такие ж, как ты, заезжие.

Дунька. Хочешь за стол сесть, место откупи.

Абрам. И в самом деле, лучше миром покончим. Кому деньги получить прикажете?

Девушки. Дунька, получай. Дуньке отдай.

Дунька (*выходя из-за стола*). Посмотрим, не хвастал ли богатством?

Абрам. На тебе, довольно ли будет?

Дунька. Что ж это, девушки, битыми черепками платить.

Глаша. Ох, горе мое! Голь перекатную за-

место бояр пустила.

Абрам. Уж простите, красные, не в тот карман залез, не ту кошну вынул. Эта по праву ль пришла? *(Дает.)*

Дунька *(приняла)*. А чтоб красных девушек вперед обманывать тебе не повадно было, еще надбавь.

Глаша. Ай да Дунька! Люблю девку за обычай.

Абрам. Не довольно ли будет?

Глаша. Что торгуешься, князя молодого на морозе знобишь!

Абрам. И то правда. *(Вынимает еще деньги.)* Подкузьмили, красные, свата! *(Девушки вскакивают из-за стола, делят деньги. Абрам идет к дверям и настежь растворяет.)* Милости просим, князь-государь. Милости просим, бояре.

Глаша. Марьица, выходи князя встречать.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же. Входят: Савушка и женихов поезд. Глаша ведет Марьицу навстречу жениху. Савушку ведет Абрам.

Парфен. Милости просим, князь молодой, пожаловать. Не обидел нас господь: есть кому гостя дорогого встретить. *(Жених и невеста сошлись посередь избы; поклонились друг другу в пояс; поцеловались. Он ведет ее за стол. Девушки после Парфеновых слов начинают песню. Слуги во время песни вносят кушанья, между ними два круглых пирога и питья.)*

Русые кудри за стол пошли,
Черную косу с собой повели.
Ты скажи, скажи, черная коса,
Кто тебе отроду мил?
Мила мне милешенька, родна матушка.
Это, коса, не правда твоя,
Не правда твоя, не истинная.

Русые кудри за стол пошли,
Черную косу с собой повели.
Ты скажи, скажи, черная коса,
Кто тебе отроду мил?
Мил мне милешенек
Савва, свет Алексеевич.
Это, коса, правда твоя,

Правда твоя, истинная.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, Живуля.

Глаша. Ты откуда проявился?

Живуля. Ветер силен на дворе, шапку сорвало, будто сюда понесло. Хлеб вам да соль.

Парфен. Хоть и незванный гость, а хлеба кушать, белого лебедя рушать, милости просим.

Глаша (Абраму). Ох, не к добру он пришел!

Живуля (услыхав). Зачем не к добру, Глафира Юрьевна? Я, слышь, с доброю вестью.— Тебе, государь, Парфен Семеныч, радость объявляю.

Парфен. Какую радость?

Живуля. Сынок твой, Василий Парфеныч, с Москвы пожаловать изволил.

Парфен. Василий?

Живуля. Как же. Меня вперед гонцом послал доложить тебе.

Глаша (Абраму). Говорила, не к добру.

Живуля. Ты, красавица, не шепчи про

меня: еще завтра свижусь с тобой.

Глаша (*тише, Абраму же*). Будь настороже.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же; Василий, с ним человек пять слуг вооруженных.

Василий. Здорово, батюшка.

Парфен. Василий, ты?

Василий. Аль не узнал? Аль сыну ты не рад?

Парфен. Ты наперво ответ держи: как смел

С Москвы без царского указа съехать?

Повсюду за тобой разосланы гонцы...

Василий. Пусть их гоняют, коли есть охота!..

Парфен. Как ты посмел, ослушник царской воли,

Передо мной, слугой царевым, стать...

Аль думаешь: мне сын -- царя дороже?

Василий. Что больно грозно, батюшка, встречаешь?

К тебе ж спешил. Сказать отцу спасибо,

Что счастливо сынишку оженил:
Двух месяцев не смог прожить с женою,
Сбежал. Спасибо за жену, спасибо!

Парфен. Еще отцу грубить? Гляди, Васи-
лий,

Сейчас свяжу и на Москву отправлю.

Василий. Ужли с дороги отдохнуть не
дашь?

Уж что-то больно ласков нынче с сыном.
Хоть при гостях-то сына не срами,--
Гостей для сына со двора не гнать же! --
Ты погоди, дай сыну дело сделать,
Вдвоем останемся,-- тогда и свяжешь.

Парфен. Какое дело?

Василий. А возьми терпенье,
Пожалуй, государь,-- не задержу.
Здорово, мир-народ, все господа
Честные! Что у вас за пир затеян?
Девишник, свадьба ли...

Парфен. Девишник, видишь!

Василий. Уж не мешай мне, батюшка, на
время.

Прошу усердно, чтоб меня уважил.
Дай поглядеть на жениха с невестой,
Согласье да любовь им пожелать.

Знакомы оба. Савушка, здорово!
На Марьице жениться похотел?
Чужих невест зачем же отбиваешь?

Савушка. Какой ты ей жених! Обидел
только,

Худую славу про нее пустил,
Еще над ней же надсмеяться вздумал...

Василий. И что ты, господин! Уж где оби-
деть,

Не только про нее дурного слова
Не вымолвлю,-- тебе, слышь, не велю!

Савушка (*вскочил на ноги*). Мне не ве-
лишь!..

Абрам (*сажает его*). Пстой, братан, по-
жди.

Не затевай ты ссоры по пустому:
Послушаем, что скажет господин.

Василий. Невеста -- Марьица. Не ждал я,
Чтоб крадучись от милого дружка,
Себе иного парня залучила. (*Марьице.*)

Что ж ты о свадьбе мне не объявила,
Как за неделю приходил к тебе,
В сумеричках, чтоб людям не зазорно!

Савушка (*вскочил*).

Я покажу тебе, московский слёток!

Ты будешь облыгать у нас невест!

Я проучу. (*Хочет броситься на него с ножом.*)

Абрам (*схватил его за руку*). Стой, Савва, брось! (*Нож падает на стол.*)

Успеем еще расчесться с ним!

Общее движение. Все встают из-за столов и выходят вперед.

Мужчины (*обступая Савушку*). Стыдися, Савва.

Василий (*Абраму*).

Спасибо, молодец. (*Савве.*) Пришел я с миром,

И с вежеством с тобою говорю.

За что ж убить меня хотел? Пришел я --

Не обижать тебя -- поостеречь.

Поберегись, купец! Товаро-т плох,

Потерто золото,-- в обман не дайся!

Ты прежде допроси ее построже:

Тому с неделю, в сумерках, ждала ли

Она меня, и какво встречала,

И сладко ли Василья целовала.

А у меня и послухи найдутся.

Живуля, где ты? --

Расскажи, что знаешь.

Живуля. Послушайте, господа честные. Прошное воскресенье, под вечер, иду я мимо Дарьицына двора, от дьячихи домой. Только вижу: кто-то через плетень прыгнул. Не вор ли, что девичьей честью промышляет? подумал, и за плетнем присел. Долгонько-таки ждать пришлось. Через час эдак слышу: крадется кто-то. Как он через плетень,-- ухватил злодея. Взмолился: "Мол от жены сбежал; девка, слышь, приворожила, и с неделю-де тут скрываюся, ни батюшка, никто не знает, почитай каждый день к ней хожу". Думаю: кого ж я это изловил? Воззрился: господи! Василий сам Парфеныч! На Москве, чаял, где встретиться довелось! И одет-то не по-боярски, зипунишка на нем плохонький. Как стал он каяться, ну и челом добил,-- добр ведь я, отпустил парня.-- А теперь я все, господа честные, сказал. *(Кланяется; в народе движение; Живуля отходит и потом незаметно для зрителей вовсе уходит.)*

Василий. Чай, Глашица видала тож. *(Ей.)*
Скажи же,

Не утай. Чего ж молчишь? Аль совесть зазрит?

Глаша. Ох, у тебя, бессовестный, где совесть?

Что обманул девчонку, не женился,—
Так небылицы на нее взводить!

Дарьца. Отцы мои! Парфен Семеныч,
Хоть ты за сироту, меня, вступишь!

В твоём доме ведь, твой же сын облыжно
Порочит Марьицу.

Парфен. Василий!

Брось шутки те негожие! Оставь.

Василий. Ты, батюшка, не знаешь, не
вступайся!

Коль послуху не верите, так есть
У нас поличное.— Вдова честная,
Послушай, Дарья Карповна, меня:
Ужли ж напраслину взводить я стану?
Дарила дочке перстенок? -- скажи.

Дарьца. Дарила: золот-перстень с жемчугом,

Всего одна жемчужина большая.

Василий. Коль покажу, признаешь перстенок?

Дарьца. Как не признать?

Василий. Вгляни-ка на мизинце.

Дарьица. Он, он! Отцы мои! За что, за что же?

Ты что ж стоишь, Машутка, отвечай!

Абрам. Так, так, приструнь ее, да хорошенько.

Василий (*Дарьице*).

Коль перстенечку, госпожа, не веришь,

Так я скажу, какой завет давала

В ту пору, как дарила дочке перстень.

Абрам. Какой завет еще! Что ж, Савва, Стоишь,-- путем невесты не допросишь.

Спроси ее: должна тебе ответить.

Коль оболгал, расчесться помогу,-- Отсюда жив не выйдет.

Мужчины. Не уйдет.--

И мы поможем.-- Спрашивай же, Савва.

Абрам. А коль невеста обманула,-- плюнь ей

В лицо, при всем честном народе плюнь!

Савушка. Что ж, Марьица, давай ответ.

Абрам. Слыхала?

Глаша (*Савушке*).

Какой ответ! Ума решился!

Коль ты ее, злодей, пытатъ задумал,

Так разбожись она, ведь не поверишь.

Василий. Ты, девица, с чего ж заговорила?

Аль помогала, а теперь боишься?

Марьица. Не тронь их, Глаша! Погоди: сама

Отвечу.-- Савушка, и ты!

Савушка. Я что же...

Абрам. Не слушай ты ее! Пусть прямо скажет:

Жила с Васильем, нет ли.

Савушка. Говори.

Марьица (*Савушке*).

И ты! Коль ты теперь в меня не веришь,
Зачем же сватался? Ведь слухи были,
Ведь говорила я, да ты ж молчать
Велел: "И знать-де не хочу". Коль мне
Тогда ты верил, что ж теперь не веришь?
Вот мой ответ: тебе я не невеста,
И отвечать на спрос тебе не стану.
Сегодня выйди за тебя, назавтра
Придут да скажут: у твоей жены
Есть любовник,-- ты опять с допросом!
Пошел ты прочь,-- не то что отвечать,
Глядеть-то на тебя теперь не стану.

Савушка. Я, Марьица...

Абрам. Молчи. Не видишь разве:

Змея от спроса увернуться хочет.

Прикинулась! Не поддавайся, Савва.

Пусть отвечает -- строже допроси.

Марьица (Абраму). Ты кто таков, чтоб
сметь

Ко мне с допросом приступать? Тебе

Я ни невеста, ни жена, родней

Не довожусь тебе. Ты как же смеешь

При людях девицу меня бранить?

Аль нынче правда в людях умерла,

И всякий волен девушек порочить?

Никто не вступится? Никто нахалу

Проклятой глотки не заткнет?

Парфен. Абрам!

И все вы тут! Забыли разве: нынче

Я ей в отцово место.-- Подходи,

Кто смел на ложь, неправду и насиль-
ство,

Я за нее ответчик перед богом!

И пред собою всякого сумею

Заставить отвечать. Как! у меня,

В моем дому бесчинство заводить?

Что я, как сына увидал, смутился,

Так вы насильничать. Ступайте вон!
Кто слово пикнет, уложу на месте.

Минутное молчание.

Василий. Начни с меня. Что ты в отцово место --

Так и чиста она пред женихом,
Вольна обманывать честных людей,
Венец церковный попирать ногами,
Над божиим судом вольна смеяться?
Опомнись, батюшка! Я не хвалю
Абрама, и ему скажу в глаза:
Нечестно поступил, ему вязаться
Не след. А что ж она молчит,
Что жениху в ответ не скажет слова?
За честь девичью ты горяч вступаться,
Что ж за мою не вступишься? Коли
Она чиста, коль смеет прямо в очи
Честным людям глядеть и не краснеть.
Так значит я ее безвинно,
Бесчестно, подло, как последний вор,
Пред вами обличал. Коль так,
Вступитесь за нее, всем миром встаньте:
Такому подлецу, как я, не след

Господен мир грязнить своей душою,
На божий суд мою пошлите душу,
Из тела выведите ее ножами!

Марьица. Чего тебе, Василий, надо, из че-

го

Хлопочешь ты, уж я и не пойму!
Аль хочешь, чтоб ты чист, злодей, явился,
А я со сраму умерла безвинно?
Ин, государь, изволь: во всем покаюсь,
Был у меня ты в сумерки, с неделю
Тому, и улещал меня:

"Поди, мол, в полюбовницы ко мне!"

Должно пошла, коль грозно таково
Меня зовешь к ответу. Верно,
Что стыд девичий вовсе позабыла,
Коль перстнем обменялася с тобой.
Ведь будь крупица у меня стыда,
Уж стала б ли с тобой, злодеем, знаться!
Нет, виновата я! Слышь, виновата!

Савушка (*выходит вперед*).

Постой, Василий. Марьинца, скажи.
Тебя Христом и богом заклинаю!
Одно скажи лишь слово, за тебя
Я голову сложу.

Марьица. Кто ты таков?

Тебя не знаю; не жених ты мне.

Поди ты с глаз моих.

Абрам (*увлекая Савушку*). Пойдем, братан.

Что слушать-то! Сказать не скажет прямо,

Все путает. Знать, стыд берет. Пойдем!

Не то я, Савва, не сдержу себя

И натворю беды.

(*Уводит Савушку; за ними женихов поезд.*)

Глаша. Абрам, стой!

Куда пошел! Аль слов ее не слышал?

Не бойся, Марьица, я ворочу его.

Тебя Парфен Семеныч здесь не выдаст.
(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Василий, Марьица, Дарьица, Парфен, Дунька, девушки, Васильевы слуги.

Марьица. Ты этого хотел: чтоб он ушел?

Чтоб бросил, осрамил меня жених?

Что ж, веселися, своего добился:

Тебе поверил, осрамил, ушел!

Василий. Того я добивался, чтоб он бросил.

Ты видишь, какова его любовь!
Ведь знал, что бросил я тебя, ведь знал,
Что на другой женился, и поверил!
Вот какова его любовь! Того
И добивался только я,
Мне больше ничего теперь не надо.

Марьица. Что ж, осрамил, во всем я повинилась,

Во всем-то, и теперь могу в глаза
Тебе сказать: подлец, подлец!
Из зависти, из-за того, что я
С тобой бежать в Литву не согласилась,
Что честь во мне осталась, что с тобой
Еще не вовсе я стыда лишилась,
Задумал погубить! А хвастал тоже,
Что крепко любишь. Любишь ты себя,
Себе утеху сделать, вот что любишь.
А я хоть пропади! Подлец, подлец!

Василий. Ругай меня, терзай, да только помни --

Не гибели твоей искал, хотел
Я доказать тебе, как много
Люблю тебя, люблю, люблю. Не жить

мне,

Коль ты разлюбишь, и никто,
Никто тебя любить, как я, не сможет.
Прости меня, хоть и нельзя простить.
Хоть я прощенья твоего не стою!
Тебя люблю, и бросил я жену,
Тебя люблю, и на тебя налгал,
Чтоб никому ты, Марья, не досталась;
Люблю тебя,— пред всеми опозорил,
Люблю тебя, и все переступил:
Царя, отца, забыл и правду божью...
Одно лишь помнил, как тебя добыть!
Теперь один стою перед тобою,—
Всех отогнал. Теперь моя ты будешь,
Никто тебя не вырвет от меня,
Пойдем, пойдем! Зачем тебе здесь жить?
Чтоб о тебе судачили людишки,
Чтоб плакать день и ночь и вспоминать,
Одно и то же вспоминать всечасно,
Как я люблю тебя?

Марьица. Не все еще,
Не все ты высчитал, что из любви
Ко мне ты сделал. Душу,
Живую душу погубил во мне,
Живого места не оставил в ней!

Ужли за то тебе не поклонюся,
Не стану земно бить челом и плакать:
"Возьми меня, позора мало мне,
Уж вдосталь опозорь и брось!"
Василий. Коль волей не пойдешь, возьму
я силой!

Эй, люди!

Парфен. Стой, ни с места. Дьявол!
Не сын ты мне, не я тебя родил,
Дотронься только до нее, убью.

Василий. Не суйся, батюшка. Ты слы-
шишь:

Еще я помню, что отец ты мне,
Но коль ее отнимешь от меня,
Как раз уж отнял,— что родил меня,
Про то забуду, руку подыму. *(Марьице.)*
Идешь, иль нет?

Марьица. Насильничать задумал?
*(Бежит к столу и схватывает Савушкин
нож.)*

А вот он, вот! Ну, подходи теперь!

Василий. Опомнись, Марьица, опомнись!

Я

Твой Вася, твой желанный, милый друг!
Ведь это я стою перед тобою.

Марьица. Не подходи.

Василий. Оставь ты нож. Убьешься.
Да помогите ж, за руки схватите.

(Схватывает ее.)

Теперь моя! моя!

Парфен *(бросился между ними).* Василий! Сын мой!

Марьица *(вырвалась).*

Что, взял ли? Не возьмешь ты силой.

И так пойду, люблю тебя, люблю. *(Режется.)*

Теперь бери. Твоя теперь, твоя! *(Падает.)*

Дарьица *(бросилась на труп).*

Убилась! Доченька моя убилась!

Ох, горько мне!

Василий *(бросился к трупу и оттолкнул Дарьицу).*

Пошла, старуха!

Мне, не тебе, стонать над ней и плакать!

Моя теперь, моя! Не бьется сердце,

Что за меня и билось и терзалось;

Не смотрят очи, что смеялись мне,

Не взглянут на меня теперь с укором!

Уста, что целовал, навек сомкнулись,

Не вылетит теперь из них ни слова,

Не разомкнутся, чтоб проклясть меня!

Тут сяду, век я над тобою,

Над любовью моею, просижу!..

И все-то в бледное твое лицо

Глядеть я буду, целовать в уста. *(Целует.)*

Прощай, прощай, прощай, еще прощай!

Ох, не могу очей твоих я видеть.

Закрытые глядят и плачут кровью. *(Вскрывается.)*

Спасите, люди! Страшно, страшно мне!

Сокройте от очей ее кровавых! О! *(Бежит.)*

Парфен *(схватил его за руку)*. Куда, безумный? Стой!

Василий *(рвется)*. Пусти, старик!

Глядит,-- не видишь? разве ты не видишь

--
Кровь, кровь стоит в очах! Пусти, пусти же! *(Убегает.)*

Парфен *(с плачем)*. О, горе, горе мне! Ох, горе!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Парфен, Дарьица, Марьица, гости; вбегают Глаша; в дверях Савушка с Абрамом.

Глаша. Вернула! Воротила! Идут!

Парфен. Не опоздали. Вовремя пришли.

Любуйтесь. Видите: мертва лежит...

И всех-то я убил: убил я сына,

Своею гордостью убил, да чванством,

Убил невестку, что в Москве живет.

Еще вот богом данная лежит,

Как голубь белый.

Глаша. Где ж матушка?

Парфен. Ей горше всех.

Глаша. Гляди,

Вот, вот она! *(Бросается к ней.)*

Парфен *(удерживает)*. Стой, Глаша, по-
гляди!

Сидит старуха над своей над дочкой,

Окаменелая, недвигою сидит,

Окаменелыми очами смотрит.

На дочку смотрит и ее не видит.

И я пред ней, пред сиркою вдовой,

Пред матерью посмел рыдать и плакать!

Жива ли? Глаша, подойди! покличь.

Глаша *(берет Дарьицу за руку)*. Матушка!
Матушка! Погляди, очнися!

Дарьица *(выходя из столбняка)*. Где доч-

ка, где? (На Глашу.) Нет, не ты, не ты! Отклик-
нись, Марьица! А, вижу, вижу! Ох, ох! Просни-
ся, пробудися!

*С воплем падает на труп дочери.
Занавес.*